

18+

ЕЛЕНА А. НОВИКОВА

Родная кровь

Елена А. Новикова

Родная кровь

«Издательские решения»

Новикова Е.

Родная кровь / Е. Новикова — «Издательские решения»,

Когда прошлое вторгается в настоящее, оно несёт с собой хаос и боль. Но если его забыть, не останется места для будущего. Каждый поступок имеет последствия. С этим придётся столкнуться следователю Данилу Муранову, раскрывая убийства и стараясь понять, что же происходит вокруг его собственной семьи.

© Новикова Е.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Родная кровь

Елена А. Новикова

*Семья не начинается кровью, но и не заканчивается.
«Сверхъестественное»*

© Елена А. Новикова, 2026

ISBN 978-5-0070-7274-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

1985 год

— Какая ты счастливая, Жанка! — Наташа искренне любовалась подругой.

За окном разливалась весна, конец апреля радовал теплом, в воздухе витала любовь. Любовь такая, какая случается только с очень молодыми людьми, у которых впереди бескрайняя жизнь, верные друзья и, возможно, какие-то долги по учёбе. А главное во всём этом — свобода! Она кружила голову, опьяняла и заставляла беспричинно улыбаться солнцу, поющим птицам и новому платью.

Жанна, только что сделавшая у Катрин — соседке по общежитию — модную «химию», вертелась перед зеркалом. Отражение показывало стройную тонкую блондинку с длинными ногами и чуть вздёрнутым аккуратным носиком, по которому рассыпались веснушки, ничуть не портящие свежего личика. Жанна стояла спиной к зеркалу, вывернув насколько возможно голову, чтобы рассмотреть себя сзади. Рисунок из «стрелок» на чёрных капроновых колготках должен был идти ровно посередине ноги, исчезая под короткой джинсовой юбкой.

— Прямо вот белой завистью вам с Мишкой завидую, — Наташа лежала на животе на своей кровати, обняв подушку.

— Да уж, есть чему, — улыбнулась Жанна. — Господи, как же я его люблю!

— Вы про свадьбу ещё не думаете?

— Натусь, ну какая свадьба? — отмахнулась Жанна, поправляя юбку. — Миша собирается сначала кооперативную квартиру взять, чтобы от предков не зависеть. А потом уже и про свадьбу будем думать. Да и доучиться надо.

— Но у вас же всё было.

— И что? — засмеялась Жанна. — Ой, я же забыла тебе показать!

Девушка в два шага оказалась у своей кровати, где лежал яркий полиэтиленовый пакет, с которым Жанна ходила на занятия, вызывая неприкрытую зависть однокурсников и косые взгляды преподавателей. И было от чего — Миша подарил ей настоящий импортный пакет с популярной певицей. С таким не стыдно было и в театр сходить, если бы в том театре студентке предпоследнего курса медицинского училища было бы хоть капельку интересно.

В пакете рядом с тетрадками, исписанными аккуратным девичьим почерком, лежал заветный свёрток. С Мишей они увиделись лишь мельком — молодой человек торопился по каким-то своим очень важным делам и заглянул к подруге в перерыве между её парами. Они даже успели нацеловаться прямо на крыльце училища, заставляя вахтёршу, тётю Гулю, шипеть какие-то гадости про распущенную молодёжь.

— Гляди! Шик-модерн! — Жанна вынула свёрток и бережно сняла сероватую бумагу, куда любимый упаковал подарок.

— Обалдеть! Фирма? — Наташа соскочила с кровати.

В руках Жанны было целое сокровище — белоснежная футболка с Микки-Маусом, отпечатанным на груди. На воротнике — бирка, написанная на английском. Наташа, чуть приоткрыв рот, прикоснулась к нарисованному мышонку:

— Очуметь! Мерила уже?

— Ага, в туалете прикидывала, — Жанна мечтательно закатила глаза, не выпуская из рук вещь.

Наташа шупала тонкий трикотаж, понимая, что ей такое никто никогда не подарит. А накопить самой и купить что-то подобное у фарцовщиков просто нереально. Остаётся выискивать по магазинам хоть что-то более-менее приличное, чтобы не стыдно было показаться в компаниях. Девушка вздохнула. «Ну ничего, — подумала Наташа, — вот доучусь и пойду работать. А врачам всегда денежку принесут. Ну, конечно, сначала-то буду медсестрой. А им

тоже денег дают, чтобы за больными лучше смотрели. Пока работаю, выучусь на врача. И будут у меня и футболки, и пакеты, и духи, какие захочу». Мысли у девятнадцатилетней девушки, росшей в большой семье, дальше не забежали.

Присев на свою кровать, Наташа одёрнула на коленях короткий халатик, модным не бывшим никогда вообще. А Жанна, делая вид, что привыкла к такой роскоши и ничуть не волнуется, одним движением надела футболку, скрывая простой хлопковый лифчик.

— Ну? Отпад?! — Жанна покрутилась.

Футболка очень шла к джинсовой юбке. В глазах подруги Жанна выглядела настоящей иностранкой, к тому же хорошенькой. «И с женихом», — вздохнула Наташа.

— Повезло тебе с Мишкой.

— Тьфу-тьфу-тьфу! — Жанна постучала по оправе зеркала. — Сама не понимаю, за что мне такое счастье. А давай тебя с его другом познакомим?

— С кем? — отношения для Наташи были чем-то непонятным.

Она, конечно, гуляла с несколькими парнями, но дальше поцелуйчиков дело не заходило. Воспитанная строгими родителями, Наташа не позволяла парням ничего больше. А вот сейчас, посмотрев на цветущую, всегда радостную Жанку, ей захотелось. Захотелось стать такой же смелой, раскрепощённой, весёлой, немного легкомысленной и ветренной. Ведь когда такой она побудет? Молодость проходит слишком быстро — оглянуться не успеет.

— Юрасик, кажется, свободен, — Жанна, припоминая, наморщила носик. — Он симпатичный. Ты его видела, кажется, на квартирнике у Миши.

— Кучерявый?

— Нет, кучерявый — это Славик. Юрасик тёмненький такой, родинка у него над губой.

Жанна посмотрела на подругу. «Да, пора Наташку в люди выводить», — подумала девушка, которой бывало порой стыдно, что она бросает подругу, проводя время с Мишей.

— Да он на меня не посмотрит, — отмахнулась Наташа, снова поправив на коленках халатик.

— Посмотрит. Мы тебя так начепурим, что у Юрасика вариантов не будет. Втрескается по самые помидорки, — Жанна весело засмеялась.

В её смехе было столько лёгкости, что вся небольшая и, честно говоря, убогая комната общежития медицинского училища, как будто преобразилась и залилась светом. Наверное, именно этот смех, эта лёгкость, с которой Жанна жила свою жизнь, беззаботность, искренность и немного наивная непосредственность привлекала к Жанне людей. Девушка моментально становилась своей в любой компании. Наташа на фоне подруги казалась немного скучноватой, хотя и её природа не обделила точёной фигурой, ярко-голубыми пронзительными глазами и пухлыми губками. Заплетённые в косу волосы отливали на солнце рыжinkой.

— Я тебе свой батник дам, а у Томки одолжишь юбку. Ну и накрасим тебя поярче, — Жанна скептически посмотрела на острые Наташкины коленки. — Вот будет здорово, если вы с Юрасиком сойдётесь. Они же с Мишкой друзья, сможем гулять вместе.

— Ага, и две свадьбы сыграем, — хихикнула Наташа, чувствуя себя немного неуверенно.

— Ага, — кивнула Жанна.

Окончательно забросив мысли о предстоящей сессии, девушки принялись подбирать наряды для сегодняшнего вечера. Надежды на лучшее будущее витали в воздухе в этой крохотной комнатухе, где помещались всего лишь две кровати, стол и шкаф. И за стенами этой комнаты кипела жизнь. И во всей общаге, пропитанной бунтарским студенческим духом, всё голосило о любви к жизни. Пара сотен молодых людей, решивших связать свою жизнь с медициной, зубрили конспекты, читали книги, болтали, бренчали на гитаре, отсыпались в перерывах между сменами или гулянками. И над всем этим подходил к концу апрель.

2025 год

— Давайте я вам помогу, баб Вер, — молодой мужчина поспешил к пенсионерке, несущей в обеих руках по объёмному пакету.

— Ой, Олежик, к мамке приехал? — старушка с радостью избавилась от тяжёлой ноши.

Идти по скользкой из-за недавней оттепели тропинке было совершенно невозможно. Женщина вспомнила всех святых и помянула недобрыми словами коммунальщиков, не торопящихся хотя бы присыпать дорожку к дому песком.

— А я с пенсии скупилась, как заполошная. Еле донесла, думала, все руки оборву. Ничего не купила, кошелёк пустой. Что делается?

— И не говорите, — покивал Олег, пакеты у бабы Веры были действительно тяжёлые. — Мамку мою давно видели?

— Так это, — пенсионерка остановилась, от ходьбы по скользкому снегу под коленками уже всё тряслось и в груди не хватало воздуха, — на неделе точно видела. И Ромку видела. Ой, вы бы его куда сдали что ли.

— А что такое? — Олег остановился рядом со старушкой.

— Непутёвый он у вас. Ты меня прости, конечно, но я ж вас обоих с малства знаю. Но если Ромку не закодировать, он у вас где-то под забором окочурится. Тьфу-тьфу-тьфу!

— Опять бухой был? — нахмурился Олег.

— Какой там! — махнула рукой баба Вера. — Себя не помнил, как нёс. Глаза стеклянные, самого шатает по сторонам. С окна видела, как он шёл, думала и навернётся тут на ступеньках.

Олег вздохнул. Брат в последнее время пил запоями, едва просыхая на пару дней. И потом всё начиналось сначала. Олег устраивал его на работу, но тот держался до первой зарплаты. Хорошо, если до первой зарплаты. Мог психануть и уйти просто потому, что на него косо посмотрели, как ему показалось.

— А мамка ваша его всё жалеет. Сначала гоняет, лупит, а потом всё равно на цыпочках вокруг Ромочки своего бегаёт, дура. Сто раз мне жаловалась, что на порог его больше не пустит. А потом опять... Эх.

— Нда, — вздохнул Олег, переминаясь с ноги на ногу.

— Ну тут что сказать? Материнское сердце. Пойдём, Олежек, пойдём.

Баба Вера ухватила за локоть мужчины и потянула его к подъезду. Идти приходилось медленно. Олег хмурился и сопел, едва сдерживаясь.

— А Ромка на мать руку не поднимает? — наконец спросил мужчина. — Что-то в последнее время он мне не нравится. Совсем какой-то стал агрессивный.

— Вот этого, сынок, я тебе не скажу. Анька мне не жаловалась. Но оно и понятно — кто ж про такое будет рассказывать. Мы ж с ней не прям лучшие подруги, по возрасту не сходимся.

— Непокойно мне что-то, баб Вера. Прям на сердце какой-то камень. Вот и приехал сам посмотреть, а то мамка трубку не берёт со вчерашнего вечера.

Олег придержал тяжёлую подъездную дверь, пропуская соседку. Её пакеты уже основательно оттянули руки, он искренне не понимал, как баба Вера умудрилась дотащить их от супермаркета.

— Может, телефон разрядился? — предположила старушка.

— А может, Ромка стащил и сдал, чтобы было на что водки купить, — с каждой ступенькой Олег становился всё мрачнее.

— Да ты не волнуйся так, на тебе прям лица нет.

— Нехорошо мне что-то, — признался мужчина.

Выглядел он по-настоящему плохо — на висках выступили капельки пота, взгляд бегал, ни на чём не останавливаясь, дыхание участилось. Олег даже дышать стал через рот, от чего губы тут же пересохли. Шаги давались нелегко, как будто к ногам привязали по пудовой гире. Даже одышливая и неповоротливая в своём длинном пуховике баба Вера обогнала мужчину на лестнице на несколько ступеней.

— Ты не заболел? — беспокоилась старушка. — Сейчас какой-то вирус снова ходит, я по телевизору слышала, что моментально людей косит.

— Нет, — выдавил из себя Олег.

Они поднялись на второй этаж. Здесь была квартира, в которой Олег родился, вырос и жил до двадцати лет, пока не съехал. Всё на площадке было знакомо. Он помнил, где какое слово написано на стенах, хоть их и перекрасили. И запах дома тоже никуда не делся. А номер на квартирной двери они прикручивали, когда был ещё жив их отец, сам Олег учился тогда в третьем классе.

— Давай мне сумки, — баба Вера опасливо приблизилась к мужчине.

— Ага, — Олег шумно сглотнул, передавая пакеты.

— Спасибо. Сама бы ещё только до подъезда дотелепалась, — пенсионерка довольно легко подхватила пакеты и пошла дальше, на свой третий этаж.

Олег постоял секунду-другую перед дверью материнской квартиры и постучал. Выждал немного и постучал снова. Никто не спешил отпирать. Мужчина припал к двери всем телом, стараясь услышать, что происходит внутри. Но слышал лишь, как поднимается наверх баба Вера, как работает телевизор у соседей слева.

— Мам! — Олег выпрямился и забарабанил в дверь кулаком.

— Может, вышла куда? — баба Вера остановилась передохнуть на межэтажной площадке.

— Да куда она пойдёт? — бросил Олег немного резче, чем хотел.

Мужчина заметно нервничал, его пальцы сжимались в кулаки, а движения сделались резкими и дёрганными. Прекратив стучать, он снова прислушался. Не дождавшись ответа, застучал сильнее. Дверь отзывалась гулом. На шум выглянул сосед из квартиры напротив:

— Ты чего буянишь опять?

Олег коротко развернулся к нему и снова принялся колотить в дверь материнской квартиры.

— А, это ты. Я думал, Ромку домой не пускают, — сказал сосед.

— Слышь, Петрович, а ты Аньку когда видел? — баба Вера перегнулась через перила.

Пакеты женщина поставила, чтобы не оттягивали руки. В её возрасте не так много развлечений, а тут явно что-то происходило. Да ещё и с соседкой, которую она знала лет тридцать, если не больше.

— Чё я за ней слежу? — буркнул Петрович. — Да не выламывай ты двери. Ключей что ль нет?

Олег отступил от квартиры. Кулаки болели, на правой руке костяшки были сбиты в кровь. Пот теперь покрывал весь лоб, блестел на волосах. Мужчина дёрнул замок куртки, чтобы растянуться. С первого раза не получилось, добавляя нервозности. Дёрнул ещё раз, почти вырывая «молнию». Выругался сквозь зубы.

Баба Вера покосилась на свои пакеты, потом на десяток ступеней, которые отделяли её от собственной квартиры, и начала спускаться, оставив покупки у перил. Волнение Олега перешло ей.

Олег вынул из кармана связку ключей, отыскал нужный. Замок провернулся со щелчком, но мужчина застыл в нерешительности, держась за дверную ручку. Он снова шумно сглотнул.

— Зачем долбить, чтобы потом стоять? — хмыкнул Петрович и ушёл к себе, что-то продолжая бурчать под нос.

Бросив взгляд на спускающуюся соседку, мужчина открыл дверь и, чуть замешкавшись, шагнул внутрь.

— Мам! Это я! Ты чего телефон не берёшь? Ромка? Здесь? — голос Олега срывался на подростковый несломавшийся фальцет.

Войти следом баба Вера не успела. Она как раз подошла к двери, которую Олег за собой не закрыл, когда из квартиры донёлся истошный крик. Пенсионерка от неожиданности отступила, чуть не опрокинувшись на спину. Крик всё продолжался, в нём было столько ужаса, сколько, казалось, вообще не может быть в человеческом крике. Баба Вера размашисто закричилась.

Олег больше не кричал, а только поскуливал, как собака. Баба Вера вошла в квартиру соседей, оставив дверь широко открытой. «Ну Анька и грязизу развела», — подумала баба Вера, осматриваясь. На вешалке громоздилась куча одежды, даже какие-то летние футболки и кофты. Внизу в куче обуви перемешались женские босоножки, мужские ботинки, тапочки и сапоги. На всех поверхностях лежала пыль, на зеркале — отпечатки пальцев, расчёска, брошенная на полочку рядом с телефоном, топорщилась волосами.

— Олег? — позвала пенсионерка. — Олежик, что такое?

Ответом ей был протяжный тоскливый вой из кухни. Женщина заглянула туда и отпрянула.

Взрослый мужик сидел и обнимал труп матери. В том, что Анна мертва баба Вера не сомневалась — всё вокруг было в крови.

— Свят, свят, свят! — пенсионерка закрестилась, отступая в прихожую.

Олег с совершенно обезумевшим видом прижимал негнущееся тело матери к себе, баюкая его. Вязкая кровь, покрывавшая халат Анны, оставляла на куртке мужчины бурые полосы. На джинсах его тоже была кровь, Олег испачкался, когда упал перед телом матери на колени. Мёртвыми глазами мать смотрела на сына, хватающего ртом воздух. Слёзы катились из его глаз, застилая взгляд.

Баба Вера с неожиданной прытью выскочила из страшной квартиры и застучала к Петровичу:

— Открывай! Там Ромка мать прирезал!

— Да куда ты прёшь, конь неподкованный! — выругался Виктор Сергеев.

Въехать во двор не получалось — узкий проезд загораживала «скорая помощь». Майор попытался объехать через покрытый снегом газон, но ему навстречу выруливал потрёпанный «Жигуль». Пришлось сдавать задом, возвращаясь на основную дорогу, и рискуя зацепить проезжающие мимо автомобили. Паша Курёхин, сидящий рядом, только вздохнул.

Во дворе припарковаться удалось с трудом, втиснувшись почти вплотную с микроавтобусом экспертов. Выйдя из машины, оперативники поднялись в адрес.

В квартире остро пахло лекарствами, и было людно. Сергеев недовольно засопел — наверняка, всё затоптано, залапано и ничего экспертиза не покажет. «А потом ещё следак явится и начнёт орать, что мы ничего не обеспечили ему», — подумал майор. А как они могли оказаться здесь раньше, если соседи сначала вызвали «скорую», дождались её, а потом уже фельдшерица позвонила участковому?

— Да тут понятно, что она мёртвая, — дёрнула плечом фельдшер, едва взглянув на Анну, которую Олег всё не выпускал из объятий. — Вам, бабушка, надо было ментов вызывать.

— Я вам не бабушка, — огрызнулась баба Вера. — Не слепая, вижу, что Анька преставилась. Мы вас для Олежки вызвали. Вы же врачи, сделайте с парнем что-нибудь. Он же уже так полчаса сидит. Да бледный такой. Сейчас как Кондратий хватит.

— Мы психическими не занимаемся.

— Успокоительное ему вколите. Это-то можете? Или диплом купили?

— Женщина, вы родня? Нет? Ну вот и идите к себе. Сейчас участковый придёт и разберётся. Может, этот ваш Олежик мать зарезал и устраивает теперь показательное выступление.

— Совсем дура? — возмутилась баба Вера. — Да он при мне квартиру открывал.

Пропустив мимо ушей нелестное высказывание, фельдшер позвонила участковому. Подходить к причитающему зарёванному мужику она не стала — мало ли что у него в голове. Участковый появился через пятнадцать минут, когда фельдшер уже собиралась уходить.

— У нас, между прочим, вызов есть, а я тут застряла.

— Так а куда вы сейчас поедете? Вы уже всё — свидетель, — участковый оценил ситуацию ещё быстрее и принялся набирать дежурную часть.

— Олечик, положи маму, иди сюда, — баба Вера разговаривала с ним, как с маленьким ребёнком, пытаясь привести в чувство.

Но Олег только крепче вцеплялся в застывшее материнское тело. Его била крупная дрожь. Сил на плач уже не осталось, он только открывал рот, беззвучно крича. В таком положении его и застали оперативники.

— Майор Сергеев, — представился Виктор. — Что тут?

— Да, похоже, сто пята, — отозвался участковый. — Ну либо самоубийство. Тело осмотреть не получается пока.

— А ты тут какого делаешь? Чё у тебя посторонних полная хата? Паша, оглядись.

Курёхин кивнул и, ступая на цыпочках, прошёл дальше в квартиру. Сам Сергеев решительно двинулся к Олегу, отодвинув с дороги фельдшера.

— Слышь, парень, — майор присел на корточки и заглянул в покрасневшие глаза Олега. — Зовут как?

— Олег он, — подсказала баба Вера, за что тут же получила в ответ злой взгляд Сергеева.

Следя за реакцией мужчины, Виктор посмотрел на труп, который тот прижимал к себе. «Сто пята как есть, коня не спрашивай», — халат на животе мёртвой женщины был полностью пропитан кровью.

— Нам работать надо, — криминалист, с которым Сергеев поздоровался ещё в подъезде, с недовольным лицом стоял у стенки. — Мы к телу не можем подойти. А сейчас судмед подъедет.

— Остальную квартиру осмотрели? — повернулся Сергеев.

— Отсняли, парни сейчас «пальчики» берут, но основное здесь. Давайте как-то решать с ним. Итак уже результаты нечистые будут.

Виктор вздохнул. Эксперт прав — ясности картины тут уже не добьёшься. Но работать экспертам действительно нужно.

— Фамилия у него какая? — спросил майор у бабы Веры, участливо наклонившейся над ним.

— Карташовы они. Олег и Анна Ивановна. Царствие ей небесное.

— Каршатов, эй, на меня посмотри! — Сергеев взял Олега за плечо и встряхнул. — На меня, говорю, смотри!

Олег повёл мутным взглядом, пытаясь сфокусировать его на незнакомом человеке, говорящем громко и строго. Слезы больше не текли, наступило какое-то полное отупение. Перед глазами всё расплывалось.

— Давай, поднимайся на ноги. Мать положи и вставай, — Виктор потянул Олега вверх.

Тот попытался вцепиться в тело, хватаясь за ткань халата. Полы его поползли вверх, обнажая желтоватые с прожилками сиреневых сосудов ноги покойницы.

— Вот же тряпка, — выдохнул Сергеев и легонько шлёпнул Олега по щеке. — Тело оставь! Пашка, помоги!

Курёхин, будто только того и ждавший, протиснулся мимо криминалиста, отеснил бабу Веру и ухватил Карташова за вторую руку. Зажав кисть Олега, Паша надавил на неё сильнее, чтобы разжать пальцы. Вдвоём им удалось поднять мужчину на подгибающиеся ноги. Тело Анны бревном переворачивалось от их движений в тесном проёме кухни. Сергеев морщился и стискивал зубы, замечая, что наступил в кровавой след ботинком, но продолжал тянуть Олега.

— Да твоего коня в пяточок! — выругался майор. — Ты чё поплыл, как баба?

Ещё одна звонкая пощёчина досталась Карташову, немного отрезвляя его. Баба Вера коротко тихо вскрикнула, прижимая ладонь к губам. Метод Сергеева старушка не одобряла, но запретить не могла.

— Наконец-то, — криминалист включил фотоаппарат и занялся делом, для которого приехал на вызов. — Наворотил тут. Всю картину смазал. Это ж надо так?

— Так мать же она ему. Неужели не ёкает внутри? — бросила ему баба Вера.

— Бабушка, пройдите к вашему внуку и там разговаривайте, — огрызнулся криминалист.

Олега дотащили до первой комнаты и усадили в кресло, на спинке которого в беспорядке была навалена одежда. Сергеев бегло осмотрелся — не бедно, не богато. Обычная квартира, без излишеств и особой фантазии хозяев. Вот только запущенная, как будто не женщина жила, а холостяк с минимальными требованиями к уюту и чистоте.

— Карташов, ты как там? — Сергеев пощёлкал пальцами перед глазами Олега. Тот поводил головой за руками оперативника. Виктор обернулся к фельдшернице, поминутно глядящей на часы: — Осмотрите его. Зря что ли приехали?

— Там по трупку приехали, — заглянул в комнату участковый.

— Это мы по трупку приехали, — вздохнул Виктор, оставляя Карташова с медиком.

— Ну этот, судмед, который, — поправился участковый.

— И то хорошо, — кивнул майор, выходя посмотреть на прибывших. — Поквартирный обход сделали?

— Когда? Я ж всё время здесь был, чтобы ничего никто не трогал.

— Угу, — снова кивнул Сергеев, — кони здесь не валялись и даже не прикладывались. Павлик, бери товарища и марш по соседям.

— Понял, Виктор Иванович, — лейтенант с готовностью поспешил к двери, чуть не столкнувшись с санитарями.

— Ну-с, сударыня, вот мы и остались одни-с, — сказал Сергеев, обращаясь к бабе Вере, маюющейся в расстёгнутом пуховике. — Давайте пообщаемся. Вы кем приходитесь убитой?

— Ой! Пакеты мои! — встрепенулась пенсионерка, внезапно поняв, что как бросила покупки на лестнице, так о них и не вспомнив.

— Что?

— Ох, полпенсии там! — старушка заторопилась к двери.

Остановить бабу Веру Виктору удалось только у ступеней. Её пакеты сиротливо стояли там, где женщина их оставила. Тяжело припав к перилам, баба Вера принялась обмахиваться ладошкой. «Только сердечного приступа нам тут не хватало», — подумал Сергеев.

— Ко мне пойдём, не могу уже, — баба Вера махнула полицейскому.

— Может врача?

— Она мне что ль пакеты донесёт?

Виктор покосился на открытую дверь Карташовых. В кухне сейчас криминалисты и судмед колдовали над телом. В комнате фельдшер пыталась привести в чувство Карташова. Можно ли оставлять их без присмотра?

— Курёхин! — крикнул Сергеев, задрал голову.

Его голос разнёсся по всему подъезду, эхом отозвавшись где-то наверху. Щёлкнул дверной замок на площадке и из квартиры Петровича выскочил Паша с пистолетом в руке.

— Молодец, боец, атаманом будешь, — похвалил Виктор. — А пока за адресом посмотри: никого не выпускать, никого не впускать.

— А поквартирный?

— Делай, что тебе сказали.

Баба Вера уже успела дойти до пакетов, когда её нагнал майор. Удивившись тяжести, Сергеев подхватил ношу и поплёлся за пенсионеркой. В том, что она самый ценный свидетель, Виктор не сомневался. И пока женщина готова говорить, надо её слушать.

— Да Ромка это! Ромка, больше некому! Ох, говорила я Аньке, чтобы она сыночку своего не баловала. А она, нельзя о покойниках плохо, но дура дурой была, прости Господи. Ты разувайся, полы мытые, — баба Вера со вздохом удовольствия скинула надоевшие угли.

— Ромка — кто такой? — Сергеев послушно снял ботинки.

— Ну-ка прими. Упрела там вся, — пенсионерка отдала майору пуховик, взяла пакеты и понесла их на кухню, не переставая разговаривать: — Ромка — сын младший, непутёвый. Всю кровь из Аньки выпил, подлец. Как с малства начал шkodить, так и не остепенился. Не то что Олежик. Вот тот парень — молодец. И выучился хорошо, и специальность у него есть, и сам квартиру купил. Матери как мог помогал, братца своего тянул. Но и он не железный ведь. Сколько можно? Бугаю уже четвёртый десяток доходит, детей прижить успел, а всё ему надо чтобы кто-то сопли подтирал. Тьфу, а не мужик получился.

На кухне бабы Веры пахло борщом и какой-то выпечкой. Виктор уселся на предложенный табурет, глядя, как женщина разбирает покупки.

— Ну а с чего вы решили, что это Ромка мать убил?

— Ну а кто? — удивилась пенсионерка. — Он тут ошивался на неделе, сама видела. Пьяный вусмерть был. А он когда выпьет, Анька говорила, что начал чертей ловить. Всё, говорит, к нему баба какая-то «ходила», чёрная. А я Аньке-то и сказала, что это не баба к нему приходит, а «белочка». И что лечить надо Ромку, а не откапывать.

— И часто к нему «белочка» являлась?

— Вот тут не скажу.

— И что? Он буйным становился? На мать руку поднимал?

С таким Сергеев сталкивался чуть ли не каждый день, так что ничему не удивлялся. И алкашей всяких мастей майор насмотрелся, как и на то, что они в состоянии белой горячки вытворяли. Дело казалось простым — только протокол правильно оформить, экспертизы собрать — и можно забывать о нём.

— Да, вроде нет, — пожала плечами баба Вера. — Но Анька, может, стеснялась говорить. Синяков я на ней не видела, так можно же бить так, что и незаметно. Опять же, не каждый день мы с ней виделись, так по-соседски когда-никогда в подъезде или на улице пересечёмся.

— А тело её, значит, Олег нашёл?

— Он родимый. Ох и жалко парня! — баба Вера всплеснула руками. — Теперь всё на нём, а он, вишь, как поплыл-то. И ведь как чувствовал, что не так с матерью. Говорил, что тревожно ему, что мать трубку не берёт. Да всё в квартиру не решался войти. Видно, чуяло сердце, что не увидит мать-то живой. О-хо-хонюшки.

— А вы ничего подозрительно не слышали из квартиры Карташовых? Ругань? Драку?

— Куда там? Я ж глохнуть на старости стала. Иной раз и не слышу уже. Но так чтобы прям сильно шумно не было.

— А Романа когда, говорите, последний раз видели?

Баба Вера уставилась на майора, уютно усевшегося на табурете и перебирающего конфеты в открытой вазочке.

— На неделе, — сказала пенсионерка. — Шёл до матери пьянющий. Проследила, как в подъезд вошёл — и всё. Оно мне надо за ним смотреть? В телевизоре интереснее.

— А тогда ещё вопрос, — Виктор незаметно зажал в кулаке шоколадную конфету, — Роман где живёт? Я так понял, что не с Карташовой.

— Да почти и с Анькой жил. А так ему от бабки квартира досталась, он там обитал. Деньги где раздобудет, пьёт у себя, потратит всё — к матери на поклон. И та, дура набитая,

принимала. Вот и допринималась, дожалелась. Это ж каким зверем надо быть, чтобы мать родную в живот ножом? Это ж нелюдь. Сказать бы чтобы она его лупила или как-то обидела сильно, так нет. И вот такое получилось. Надо будет в церкву сходить, свечку за Анькин упокой поставить.

Из квартиры Карташовых доносились громкие голоса. «Твоего коня в педали», — Сергеев сбежал по лестнице, думая, что Курёхину нужна помощь.

— Пустите меня к маме! — услышал Виктор ещё из прихожей голос Олега Карташова. — Она там одна.

Краем глаза майор увидел, что Анна Карташова — её тело — не одна. Над ней склонился судебный медик, расстёгивая на трупе халат. Зрелище было не для слабонервных, но оно являлось частью работы, каким бы кошунственным не казалось обывателям. Понятые старались не глядеть в кухню, тихо переговариваясь между собой.

— Вашей матери больше нет. А вам, Олег Евгеньевич, я советую как можно скорее взять себя в руки и отвечать на поставленные вопросы. Это единственно, чем вы сейчас можете помочь.

— Калмык! — с души будто сняли камень. — Здорово! Тебя на дело отправили?

Олег Карташов был чуть выше среднего роста, плечистый и, в целом, крупный мужчина лет сорока с небольшим — самый расцвет сил. Он стоял посреди комнаты, намереваясь из неё выйти. Но прямо напротив него, возвышаясь на полголовы, стоял следователь Данил Муранов. Его высоченная взлохмаченная фигура сразу становилась какой-то осью стабильности, где бы следователь ни появился. Чёткий голос, не повышающийся ни на тон, порой внушал больше страха и уважения, чем властный окрик.

Данил обернулся, вздыхая про себя — Сергеев всё никак не мог оставить дурацкую манеру называть его придуманной самим майором неуместной кличкой. Говорить об этом с Виктором Муранов уже устал, прося лишь об одном — не звать его так на работе.

— Тут дело плёвое, — Виктор протянул для приветствия руку. — Вроде как получается, что это младший сын мать зарезал.

Олег переменился в лице и снова сделал попытку прорваться на кухню. Но Муранов успел положить ему руку на плечо и крепко сжать.

— Брат твой где? — спросил Сергеев, обращаясь к Карташову. — Давно видел его?

— У него шок, — недовольно отозвалась фельдшер, что-то пишущая, примостившись на краю дивана, где комками валялось постельное бельё. — Когда мы можем ехать? Мне с диспетчерской уже три раза звонили. Вызовы висят.

— Допишите заключение и можете ехать, — разрешил Муранов. — Ваши данные у нас есть.

Фельдшер пробурчала что-то себе под нос, ещё быстрее заработав ручкой, почти прорывая бумагу. По её лицу с поджатыми в нитку губами было件нятно, что ничего хорошего про полицию и следствие женщина не думает.

— Что здесь? — Муранов краем глаза наблюдал за снова усевшимся в кресло Олегом, куртку с которого следователь приказал забрать криминалистам.

— Женщина, Анна Ивановна Карташова, шестьдесят пять лет. Найдена убитой, колото-резанные ранения в область живота и груди. Нашёл сын, сам видишь, в каком он состоянии. Я поговорил с соседкой, вроде как, есть ещё один сын, который часто здесь бывал. Сын тот пьющий до «белочки». Думаю, он в горячке мать и убил.

— Зачем тогда нужно следствие, раз полиция всё уже знает? — Муранов посмотрел на оперативника, прищутив глаза.

— Ой, вот только не зыркай на меня так, — передёрнул плечами Сергеев, отступая от следователя на шаг. — Жуть берёт от тебя, если честно.

— Данил Александрович, мы здесь закончили, — в дверь комнаты сунулся судебный медик.

— Иду, — кивнул Муранов. — Виктор Иванович, а вы свидетеля под протокол опросите.

— Сделаем, — отозвался оперативник, привыкший, что Муранов иной раз перегибает с официозом.

На кухню Данил лишь заглядывал, не мешая работе специалистов. Но и того, что он увидел, хватило, чтобы составить предварительное мнение. На получение однозначных чистых, что называется, следов рассчитывать не приходилось. На полу возле женского трупа были растёртые бурые пятна, что давало понять — тело перемещали и не раз.

— Смерть наступила вчера, около одиннадцати-двенадцати ночи. Четыре проникающих ранения в область желудка, печени и селезёнки. Два — в район груди. Эти два неглубокие, скорее всего, лезвие скользнуло по рёбрам. Орудие убийства, скорее всего опять же, нож из набора. Вон там не хватает одного.

Судебный медик показал пальцем на заставленный грязной и чистой посудой стол. Среди беспорядка Данил рассмотрел подставку под ножи, где пустовала одна ячейка.

— Остальное после вскрытия. Умерла либо от потери крови, либо от болевого шока, либо задета печёночная артерия. А ещё вот что меня смущает.

Пальцами, затянутыми в белые латексные перчатки, эксперт раскрыл глаз покойницы. Помутневший белок покрывали красные прожилки лопнувших сосудов.

— И на внутреннем веке точечные кровоизлияния, — заметил Муранов.

— Вот именно, — одобрительно кивнул судмед. — Но борозды я не вижу. Возможно, душили либо рукой, перекрыв нос и рот, либо каким-то предметом.

— Но судя по количеству крови, — Данил окинул взглядом пятно на светлых кухонных обоях, — резали её ещё живой.

— В общем и целом, да. Но мне нужно время на исследование. Заключение можете получить завтра после трёх.

— Хорошо, позвоните, когда будет готово. Я как раз в вашем районе буду в это время.

— Ребята, забирайте.

Санитары, только и ждавшие зова, зашуршали большим чёрным мешком. Понятые суеверно отступили подальше, чтобы их не коснулся даже край. Муранов вышел из кухни — делать там больше было нечего. Окоченевший, неподатливый труп мёртвой хозяйки квартиры положили в раскрытый мешок и застегнули молнию. Больше она никогда не пересечёт порог своей квартиры.

Сидящий в кресле Олег тихо подвывал, видя, как выносят его мать. Получивший укол успокоительного, мужчина больше не рвался к телу, но и допрашивать его сейчас было бесполезно.

Глава 2

1985 год

«Как в кино», — Наташа замирала от волнения, предвкушения чего-то особенного и восхитительного. У девушки даже немного сводило живот, и чуть-чуть тряслись пальцы. Никогда прежде ничего подобного с ней не случалось. Это вообще было что-то из области фантастики — вот так запросто, не на какое-то мероприятие, прийти в ресторан. И не просто ресторан, как тот, в котором праздновали юбилей дяди Аркаши, где ещё работает дяди Аркашина жена. Там, в родном городе, это, может быть, и приличное заведение, а вот чтобы здесь... Такие рестораны Наташа видела только в кино.

— Идём, чего ты? — Жанна потянула подружку за руку.

Жанна уже бывала с Мишей в ресторанах. Не в этом, этот всё-таки дороговат, но и не по кафешкам, как другие студенты.

— Пусть другие мороженое за копейки покупают и ореховые колечки с лимонадом. А я могу позволить себе привести любимую женщину на ужин, — говорил Михаил, по-хозяйски обнимая Жанну за талию.

И девушка верила ему, заглядывала в глаза и млела от того, что такой видный молодой человек с пропиской, небедными родителями и вообще весь упакованный обратил на неё внимание и зовёт «своей женщиной». А главное — он говорит это искренне. Уж что-что, а про любовь Жанна понимала.

— А нас пустят? В таком виде? — Наташа дёрнула подол короткой джинсовой юбки.

Юбка была ей немного не по размеру, Наташа одолжила её у однокурсницы взамен на конспекты. Широкая в плечах яркая Жаннина футболка сидела хорошо, но тоже была чужой. Своего у девушки были только туфли, надетые до этого всего несколько раз.

— Пустят. Миша столик заказал, и они с Юрасиком уже должны быть там и ждать нас. Идём, чё топтаться здесь?

Топтаться перед рестораном в туфлях было холодного, всё-таки апрель только-только заканчивался. Жанна настаивала на том, что и курточки надевать не стоит, но Наташа не согласилась — от общаги до ресторана ехать сначала на метро, а потом две остановки автобусом.

Их пропустили. Мужчина, похожий на моржа, в тёмно-вишнёвой ливрее внимательно осмотрел молодых девушек с ног до головы, решая, пропускать их или нет. От этого пронзительного взгляда маленьких глубоко посаженных глаз Наташе стало не по себе. Ей даже захотелось уйти. Она ведь всего лишь студентка медицинского училища, ей здесь не место. Да и то сказать, в её сумочке лежал кошелек с остатками стипендии, которую в этом заведении можно было потратить, пожалуй, только на стакан чая. Наташа улыбнулась, подсознательно стараясь расположить мужчину к себе.

— Нас ждут, столик на Михаила Заболотина, — высокомерно произнесла Жанна.

Сдавая свой плащ в гардероб, Наташа снова подумала, что она здесь лишняя. На плечиках висели пальто с роскошными воротниками, хотя в них, скорее всего, уже жарковато. Вышколенная гардеробщица в белой блузе и чёрной классической юбке ни словом не обмолвилась, принимая одежду девушек. С улыбкой протянула им номерки и, кажется, тут же забыла об их существовании.

— Да не смотри так, — шикнула на подругу Жанна, поправляя причёску.

Девушки вошли в зал, минуя арочный проём, занавешенный тяжёлыми тёмно-вишнёвыми портьерами. Жанна повела головой с высоко поднятым подбородком. На самом деле ей тоже было немного не по себе, но она твёрдо решила привыкать к такой жизни. В конце концов, Миша её обеспечит.

Свет хрустальных люстр, свисающих с потолка перевёрнутыми фонтанами, преломлялся в хрустальных бокалах, бликовал на украшениях женщин, запонках и часах мужчин. Таких потрясающих платьев не печатали даже в журналах мод. Наташа засмотрелась на одну из посетительниц, сидящих в укромной нише со своим спутником. Её платье из бархата, глубокого изумрудного цвета невероятно красиво сочеталось со шкуркой лисы, наброшенной на голые белоснежные плечи. Женщина казалась знакомой. «Наверное, актриса», — с замиранием сердца подумала Наташа, которой стало стыдно за их дерзкие наряды, неуместные в заведении такого уровня.

Миша и Юрасик их ждали. Парни заняли столик недалеко от маленькой сцены, где выступал ресторанный ВИА. Заболотин, заметив свою невесту, встал со стула и помахал ей. Он и сам был похож на киноактёра — джинсы, явно пошитые на американском заводе, рубашка с закатанными рукавами и солнечные очки, дужкой зацепленные за рубашечную планку. Юрасик выглядел скромнее друга, но тут же понравился Наташе.

— Приветтики, мальчики! — звонко сказала Жанна, раскрывая для Миши объятия.

Сердце забило пойманной птицей, а в паху моментально появилось напряжение. На какое-то время всё вокруг померкло, перестало существовать и иметь значение. Даже он сам на мгновение исчез. И все эти, сидящие и жующие за столами люди, лабающие какую-то пургу музыканты, официанты с зализанными волосами, тоже пропали. По пустому залу шла она — яркая, молодая, лёгкая, свежая. «Чистая», — подумал Фарид Абишев. Его карие, почти чёрные глаза превратились в щёлки. Тонкие губы сжались в нитку. А ноздри будто старались уловить запах молодой женщины, идущей через зал ресторана к столику, где её поджидал какой-то ухажёр.

— ... Шука и говорит: а мне оно никуда не упёрлось! — голос Терьера, вечно простуженный, зазвучал, как по щелчку.

За столом громко заржали рассказанной шутке. Абишев шутку не расслышал. Он нахмурился — чтобы какая-то баба вот так на него — на него! — повлияла? Он что, щенок, ничего ещё видевший и ничего не пробовавший? Сколько у него было этих девок, которые за рубли и подачки, делали всё, что ему приходило в голову? И с радостью делавшие, бегавшие за ним, отдававшие себя ему в полную власть. Не мальчик уже, чтобы слюни пускать на какую-то...

И всё же глаза так и пожирали стройную фигуру за соседним столиком. Внутри недолго боролись два чувства: злость на эту незнакомую девушку, которая сама того не ведая, растревожила какие-то потаённые струны в душе, и жажда обладать ею. Он видел её первый раз, ни знал о ней ничего, но это не помешало твёрдо решить: «Моя будет». А то, чего хотел Фарид Абишев, он получал рано или поздно.

— Так что там Шука, когда он долг возвращать будет? Или мне надо с ним лично увидеться? — Абишев всем корпусом развернулся к сидящим мужчинам за его столом.

— Он просил ещё два дня. Там, вроде, как хата какая-то обломиться должна, — ответил Терьер, подливая Фариду водки в пустую рюмку.

— Через два дня бабок не будет, вместе со Шукой с тебя спрошу, — Фарид взял рюмку, опрокинул содержимое в себя и даже не поморщился.

Терьер опасливо кивнул. А внутри всё похолодело — Абишев шутить не любил и не умел. И с собой шуток не прощал. Раз сказал, что с обоих спросит, то сделает. Терьер знал, как Абишев умеет «спрашивать», ему приходилось потом зачищать за ним. В такие моменты к Фариду лучше было вообще близко не подходить и радоваться, что гнев упал на кого-то другого. Более страшного человека Терьер не встречал даже среди сидельцев. Да и был ли Абишев человеком или джином из большой казахской степи?

— Эй, официант? — Миша щёлкнул пальцами, привлекая к себе внимание.

Он вальяжно сидел на стуле, положив одну руку на спинку стула Жанны. Сегодня весь этот ресторан как будто принадлежал ему и его компании. Заболотину хотелось, чтобы все эти снобы, жующие за соседними столами, увидели его — новое поколение, будущее страны. Он лучше них хотя бы тем, что молод, красив и рядом с ним прекрасная девушка, которую не стыдно показать родителям и друзьям.

— Слушаю вас, — официант с приклеенной улыбкой чуть склонился к Мише, удерживая спину идеально прямой.

— Вина для наших дам принеси. Красного, к мясу. Самое лучше вино, а не кислятину какую-нибудь. И по цене нормальное, не дешёвку. Надеюсь, в вашем кабаке имеется такое?

— Непременно, — одними губами улыбнулся привыкший ко всему официант.

— Так неси, если на чай хочешь, — Миша самодовольно ухмыльнулся.

— Сию минуту, — официант распрямился, подумал, что клиент тот ещё козёл, и ушёл выполнять заказ.

— Ну что, девочки, как вам здесь? — Заболотин говорил так, будто ресторан действительно принадлежал ему.

— Миша, ты отпад! — Жанна кокетливо повела плечиком.

— Наташа, а вы, значит, с Жанночкой вместе учитесь? — Юрасик оценил подружку Мишиной невесты.

«Девочка, конечно, простоватая, — думал парень. — Но так и жениться на ней я не собираюсь. Это Мишке делать нечего». Девочка милая, видно, что неопытная, но и тратиться на неё особо не придётся — рада будет кафешкам.

— Мишаня, а ты меня когда в дело возьмёшь? — спросил Юрасик, строя из себя серьёзного мужчину.

— О, брат, давай не сейчас. Мы же с дамами. Давай потом обсудим.

Жанна посмотрела на Наташу и подмигнула — видишь, какие деловые? Девушка просто обожала, когда Миша начинал говорить с таким серьёзным выражением лица. Он сразу становился как будто бы старше, солиднее. За такого нестрашно и замуж выскакивать, и просто в постель к такому идти. «Скорей бы уже предложение сделал», — мечтала Жанна.

Музыканты на сцене заиграли популярную мелодию. Несколько мужчин пригласили своих спутниц на танец. Где-то звучали тосты и смех. Официант, ловко лавируя между столиками, нёс для Заболотина и его компании бутылку красного вина.

Жанна почувствовала на себе чужой пристальный взгляд. Девушка обернулась и успела увидеть скуластое лицо крупного высокого то ли бурята, то ли калмыка, который тут же отвернулся. От этого пронзительного взгляда ей стало не по себе, а по позвоночнику пробежали ледяные мурашки. Девушка инстинктивно подвинулась вместе со стулом к Мише.

2025 год

— Ой, с этого Олежика брать нечего. В глазах слезинка, в носу соплянка, — Сергеев уселся верхом на стул, развернув его спинкой к столу.

— У него ж маму убили всё-таки, — Курёхин, не отрываясь, быстро нажимал клавиши, подготавливая рапорт.

— И он тут же поплыл. Хлипкий какой-то.

— Виктор Иванович, не все же такие как вы, — выпалил Паша и прикусил язык.

— Дожили, жеребёнок клюв открывает, — делано вздохнул Сергеев. — Ты по соседям что про семейку эту выяснил?

— Живут там сорок лет примерно, — лейтенант оторвался от монитора. — Это даже больше, чем мне. Так вот. Карташовы. Было их четверо: родители и два сына. Отец умер лет пятнадцать назад, онкология. Вроде после этого мать, убитая, стала выпивать. Олег — стар-

ший сын, Роман — младший. Скандалов, ссор особо не было. Жили, как все. Потом сыновья разъехались, но Роман периодически приходил жить к матери.

— Ясно, — кивнул Сергеев. — У меня примерно те же сведения. Романа по телефону пробил?

— Когда? — встрепнулся Курёхин. — Мы же с вами одновременно пришли в отдел. И я вот только бумаги закончил писать.

— Что подвластно Цезарю, неподвластно коню, — переиначил цитату майор. — Ладно, сам запрос отправлю.

Это было против правил, которые Муранов сам себе придумал ещё в самом начале своей карьеры и строго им пытался следовать. Допрашивать потерпевших, если это возможно, и главных свидетелей нужно было непременно в первые сутки после преступления. А ещё лучше — в первые часы, когда память ещё достаточно свежа и пересказ событий кому бы то ни было не добавляет не существовавших никогда деталей. Человеческая натура такова, что мы физически не можем говорить правду всё время. Это выходит неосознанно — то там, то здесь добавляем в историю придуманные события, черты, а то и целые фразы и людей. Даже если пытаться это контролировать и дать самому себе слово говорить только то, что было на самом деле, в какой-то момент слова будто сами собой слетают с губ в совершенно иной последовательности, добавляя в рассказ некой красоты и логичности. Такова человеческая психика. И при всём этом, человек может искренне недоумевать, как это произошло, а то и тут же поверить в то, что выдал его мозг, чтобы приукрасить серую действительность. Поэтому Данил предпочитал слышать историю без лишних искажений. Хотя бы минимизировать их.

Однако в случае с Олегом Карташовым пришлось немного поступиться принципами. Вчера сын потерпевшей был не в состоянии связно отвечать на вопросы следователя. Муранову удалось лишь взять у него первичные показания, переживая всхлипывания и подавая воду.

Зарёванными покрасневшими глазами Карташов осмотрел комнату. Наверное, в царящем здесь беспорядке и нагромождении вещей Олег видел привычную картину и вполне ориентировался.

— Вон там у мамы шкатулка стоит, — трясущимся пальцем мужчина показал на комод, заставленный пыльными безделушками. — Украшения какие-то должны быть.

Муранов, чуть не споткнувшись о брошенные посреди комнаты тапочки, подошёл ближе. На комоде осталось чёткое прямоугольное чистое пятно.

— Золото? — уточнил следователь.

— Колечко, вроде, и серёжки. Не знаю. Не знаю. Мама любила побрякушки всякие, — Олег растирал ладони.

На манжетах его спортивной кофты остались кровавые следы, но руки ему отмыли начисто, взяв под протокол образцы подногтевого содержимого. И всё же Карташов тёр пальцы, то ли пытаясь согреть их, то ли всё ещё чувствуя на них кровь матери.

— Что-то ещё не так? Что-то ценное пропало? — Муранов не исключал версию и об ограблении.

Такое случается сплошь и рядом. Самое страшное — что причастен может быть кто угодно, вплоть до самых ближайших родственников. «Или подружка какая-нибудь зашла выпить и позарилась», — кивнул сам себе следователь. Стоящие на кухонном столе початые бутылки, грязная посуда не оставляли сомнений — в этом доме выпивали либо накануне, либо, если учесть, насколько нехозяйственной была Анна Карташова, на этой неделе.

— Я не знаю, — потерянно повторял Олег Карташов.

Он всё время смотрел на дверной проём, где скрылись санитары, вынесшие за порог квартиры тело его матери. В прихожей ещё оставались понятые, диктующие что-то участковому. Вышел судебный медик, снявший защитный комбинезон и не походивший больше на при-

шельца или работника опасной лаборатории. Буквально всучив неприятному долговязому следователю бумаги, ушла фельдшер «скорой помощи». А Карташов не мог успокоиться, нервно вздрагивая от каждого звука.

— У вашей матери были недоброжелатели? С кем-нибудь она ссорилась?

— Что? — не понял Олег.

— Кто-то мог желать вашей матери зла? — переспросил Муранов.

Как можно составить протокол допроса, когда свидетель не может связать пары слов и приходится задавать одни и те же вопросы снова и снова? К тому же Карташов находился под препаратами, угнетающими нервную систему. Не настолько сильными, чтобы исключить саму возможность вести допрос, но всё же влияющими на сознание человека. Данил посмотрел на сидящего в кресле мужчину. Лицо Карташова побледнело, на висках блеснул пот, губы поджимались и дрожали, будто мужчина сдерживает плач, хотя, скорее всего, так оно и было.

— Владимир Антонович, подойдите, — позвал Муранов криминалиста.

Данил старался запомнить имена всех экспертов, с кем ему приходилось сталкиваться по работе хотя бы однажды. Это во многом упрощало жизнь. Хотя бы тем, что человек, которого называют по имени-отчеству, начинает подсознательно чувствовать свою значимость. Пусть это звучит как нечто из области манипуляции, но Муранову и самому было так удобнее.

— Вот здесь возможно остались пальцевые следы, — следователь указал на пустое пространство на комод.

— Сложная поверхность, — сказал криминалист. — Но всё что могу, сделаю.

В этот день от Карташова Данил не добился больше ничего внятного. Олега пришлось на патрульной машине отправлять домой. Лично проверив перекрыты ли краны и газ, Муранов последним вышел из квартиры, запер её и опечатал. Здесь его работа пока была окончена.

Сейчас Данил стоял возле окна в своём кабинете и ждал, когда Олег Карташов придёт на допрос. С высоты третьего этажа следователь прекрасно видел, как дворник Дмитрий Эдуардович копается в урне возле ворот Следственного управления. Он вытаскивал что-то и внимательно рассматривал перед тем, как положить мусор в большой мешок. Будто заметив за собой наблюдение, дворник заглядывался по сторонам.

Внимание Муранова привлёк подъехавший к остановке автобус. Среди вышедших пассажиров был Карташов. На первый взгляд он выглядел лучше, чем вчера. Но с каждым шагом к Управлению Карташов замедлялся. А потом и вовсе остановился перед крыльцом, захлопал себя по карманам, вытащил пачку сигарет и закурил. Дворник, бросив копаться в урне, поспешил к Олегу. Но Муранов уже не досматривал, чем всё закончится, следователь готовился задать сыну убитой накопившиеся вопросы.

Уже подъезжая к адресу, вычисленному техниками, Сергеев понял, что они вытянули пустышку. Не мог Роман Карташов находиться двое суток в торговом центре. Даже если он устроился туда охранником, смена не могла длиться так много часов без перерыва.

— Привели коней на водопой, а река пересохла, — пробурчал майор, въезжая на парковку перед зданием ТЦ.

— Ну техники же не могли ошибаться, — Паша отстегнул ремень безопасности.

— Не могли, — согласился Сергеев.

Торговый центр ничем не отличался от себе подобных — бутики, фудкорты, какие-то развлечения для детей и празднично шатающиеся люди. Виктор не понимал, что можно делать в таком огромном магазине часами. Поест можно было в небольшой кафешке недалеко отсюда, причём гораздо дешевле и вкуснее. А просто пялиться на шмотки? «Впрочем, кто я такой, чтобы судить? На это есть специально обученные люди», — подумал майор, лавируя между посетителями.

— Погнали, — Сергеев выбрал направление.

— А куда мы?

— Табельное сдадим и пожрём нормально.

Курёхин шмыгнул носом — от майора порой бывало сложно добиться нормального ответа. Но Паша уже начал привыкать к такой его манере разговаривать. Иногда он ловил себя на том, что перенимает от Виктора Ивановича его присказки с конём.

Вывеска ломбарда «Пегас» манила к себе ярким розовым неоновым цветом. На белом фоне красовался мифический жеребец с крыльями. А на витринах поблёскивали невыкупленные украшения. Подходя ближе, Курёхин фыркнул от придуманной в голове шутки про то, что Сергеев наконец нашёл коня. Произносить вслух он её не стал, опасаясь майорского гнева.

— Вот этот человек вам принёс телефон два дня назад, — Сергеев подошёл прямо к стойке приёмщика, показывая тому фотографию Карташова.

— И что? Если у вас с ним какие-то проблемы, то наш ломбард не имеет к ним отношения. Мы работаем на законных основаниях, — приёмщик украдкой нащупал свой телефон и открыл избранные контакты.

Как минимум раз в месяц к ним заявлялся кто-то из родственников клиента и требовал вернуть заложенные ценности. Это было неизбежное зло и правда жизни. Но, они действительно ничего никому не были обязаны возвращать. Здесь, в этом ТЦ, всё было предельно открыто и задокументировано. Не хватало ещё терять такой проходной участок из-за копеечного навару на нечестных побрякушках. Это не здесь. Это в другом районе, подальше от любопытных глаз и носов.

— Мы тоже работаем на законных основаниях. Коллеги, так сказать, — Сергеев показал приёмщику служебное удостоверение. — Ну и? Был пассажир этот?

— Позвольте ещё раз взглянуть?

Сергеев протянул фотографию Романа Карташова, которую прихватил из квартиры убитой ещё вчера. Приёмщик едва взглянул на неё:

— Да, приходил.

— Что принёс?

— В этот раз телефон.

— В этот раз, — эхом повторил Сергеев. — Значит, часто бывает в вашей конюшне?

За спиной Виктора всхлипнул от сдержанного смеха Курёхин, разглядывающий витрину со столовым серебром.

— Да, Роман — наш постоянный, можно сказать, клиент. Мы ему даже делаем скидки. Но он чаще всего выкупает вещи. Вот телефон уже третий раз принёс. Я сам принимал и видел документы. Телефон с родной коробкой. Всё по правилам, — приёмщик, сболтнув лишнее, уже не останавливался. В конце концов, потерять одного клиента лучше, чем разозлить ментов.

— А серьги, колечки приносил?

— Случалось. Но он выкупал. Только своё обручальное кольцо не забрал. Даже срок не пришёл продлить.

— Последний раз только телефон сдал?

Приёмщик кивнул.

— Давайте, — Сергеев обеими руками опёрся на стойку.

— Что? — не понял приёмщик.

— Телефон Карташова Романа Евгеньевича.

— Но?..

— Расписку об изъятии я вам напишу.

Полицейский сверлил приёмщика немигающим взглядом. Тот немного помялся и пошёл в подсобку.

— Виктор Иванович, думаете, Карташов про убийство матери кому-то писал? — спросил шёпотом Курёхин.

— Ничего я не думаю, не приучен. Но проверить его контакты нужно.

Сегодня Олег Карташов выглядел гораздо лучше, хотя под глазами залегли чёрные тени. Усидеть на месте мужчина не мог, постоянно ёрзая на стуле, как будто тот был скользким и норовил скинуть с себя седока.

— Понимаете, я звонил маме ещё вечером, а она не брала трубку. Обычно, если пропускает звонок, то перезванивает. А тут — ничего. Я подумал, что, может быть, засмотрелась сериалом и задремала, позвонил через час. Потом ещё звонил, не помню сколько. Вот, — Карташов протянул Муранову свой телефон, — посмотрите сами.

— Я вас ни в чём не обвиняю, — сказал Данил, принимая гаджет. — Просто необходимо уточнить детали.

— Я волновался. Знаете, в груди как-то беспокойно стало. Понимаете?

Следователь просматривал журнал звонков. «По крайней мере с этого телефона точно звонили», — подумал Муранов, видя неотвеченные вызовы абонента «Маман». Первый был около восьми, потом перерыв и снова звонки без ответа — уже чаще. Последний раз в начале первого следующего дня. Анна Карташова с сыном не поговорила.

— Это же мама. У меня ближе неё никого нет. Самый родной человек. Понимаете?

Муранов не собирался отвечать, что понимает Карташова в этом плане, как никто другой. С самого детства и до последнего времени, кроме матери он никому не был нужен, ни от кого не получал столько безвозмездной любви и заботы. Что мама всегда была рядом с ним. И Данил не мог себе представить, что бы сделал, если бы мама в один из дней просто не взяла трубку. На мгновение представив себе такую ситуацию, мужчина понял, что бросил бы все дела и, несмотря на время суток, сорвался бы в родительский дом после третьего неотвеченного вызова. Даже если пришлось бы возвращаться из командировки. «А Карташов дождался полудня следующего дня», — чуть поджав губы, подумал Муранов.

— И брату вы звонили. Зачем?

— Ну так это... Он постоянно же у матери ошивался. Как денег нет, так Ромочка к маме — дай пожрать. Отожрётся, отлежится, надоест ей до чёртиков со своими запросами — свалил в закат. В последний раз знаете, из-за чего они поругались? А я вам расскажу. Они вместе смотрели сериал какой-то, Ромочка уснул, бедняжка, а мама без него серию досмотрела и следующую тоже. И он, скотина, обиделся. Обиделся!

Говоря о брате, Олег словно ожил. Слова лились потоком. И становилось понятно, что брата Карташов не любил и во многом презирал.

— Вы понимаете, это он так с родной матерью говорит. А она вокруг него прыгает постоянно. Сначала мне звонит и жалуется, что Ромочка снова половину её пенсии в магазин отнёс, что долгов наделал, что она его больше на порог не пустит. Только мне почему-то нужно за него и с долгами рассчитаться, и матери продуктов завести. Недельку его нет, полторы. Потом является ей на порог пьяный или побитый — и всё по-новому. Как в каруселе. Одно и то же. Они меня оба с ума сводят просто. А у меня, между прочим, своя жизнь есть. Жена есть. Ребёнка вот хотим.

— То есть кроме Романа вы никого не подозреваете? — Муранову наконец удалось вставить слово.

— Ну это... — Карташов поник. — Я не знаю. Я не знаю, что думать.

— Хорошо. Давайте продолжим по порядку. С кем ваша мать общалась? Подруги у неё были? С кем-то, кроме вас, она могла делиться своими переживаниями?

— Вроде да. С работы её какие-то женщины были. Я с ними не знаком, — пожал плечами Олег.

— Вам лично Анна Ивановна рассказывала о проблемах? Может быть, угрожал ей кто-то?

На самом деле версия, что Карташову в порыве гнева, свойственного алкоголикам, каким являлся, судя по всему был Роман, или во внезапно вспыхнувшей ссоре сын набросился на мать с ножом, была на поверхности. Муранову приходилось с таким сталкиваться. К сожалению, чаще всего именно близкие родственники или друзья оказываются способны убить или покалечить. Таких дел за год через руки следователя проходит не один десяток. И почти все они как под копирку. Ничего особенного, просто страшно от такой «неособенности». Схватившись за нож, человек как будто перестаёт осознавать, на кого замахивается и так ли важна причина, по которой он это делает. В этих делах не будет нескольких томов, вся трагедия уместится в скупых строчках отчётов и признательных показаниях. Чуть ли не каждый третий осужденный получает свой срок за подобное.

— Да мамка не конфликтовала ни с кем. Так, может, с Петровичем из-за шума. Ромочка же тихо музыку слушать не любит, ему надо, чтобы долбила до кишок.

«Всё у него к брату сводится», — заметил Муранов. Сам Данил был единственным ребёнком и даже представить себе не мог, что это значит — иметь кого-то похожего на тебя, с кем-то расти бок о бок и знать, что в другом человеке течёт точно такая же кровь, как в тебе самом.

— Брата когда видели в последний раз?

Карташов задумался, глядя в окно:

— Может неделю назад. К маме заехал кран починить, а он там обедает. Ну я и высказал ему всё, что думаю. Так он хоть бы ломанулся мне помогать. Неа! Супчик сидит жрёт, а я под раковинной корячусь. Козёл!

— И что, он всегда таким был?

— Эгоистом? Всегда. Сначала маленький был, любимчик родителей, а как батя умер, так Ромочку все жалеть стали. А меня не надо было жалеть? Я тоже ребёнком был, и ничего — пошёл пахать, чтобы пожрать было чего.

На щеках Карташова выступили красные пятна. Ладони его, лежащие на коленях, сжались в кулаки.

— А где были вы в ночь, когда убили вашу мать? — Муранов задал неожиданный вопрос и внимательно следил за реакцией Олега.

— Что? — опешил тот. — Вы что хотите сказать? Это я маму... Это я её нашёл! Вы что такое говорите?! Да жену мою спросите, я дома был! Этого придурка ищите! Это он!

— Вы не волнуйтесь, мы сделаем всё.

«Нужно запросить данные по геолокации его телефона на позавчерашнюю ночь», — подумал Муранов, делая записи в протоколе.

— Мне ещё к похоронам надо готовиться, а вы такие вопросы задаёте. Когда можно будет маму забрать? — вопрос дался Карташову с трудом, он даже стал немного заикаться, а в глазах заблестели слёзы.

— Если не возникнет никаких дополнительных обстоятельств, то в течение трёх дней я дам вам разрешение на погребение, — Данил посмотрел на Карташова.

Олег явно был на грани нового нервного срыва. Его нижняя губа начала подрагивать, как у ребёнка, готового разрыдаться. Дыхание стало порывистым. Карташов постоянно сглатывал и прикусывал губы.

— Давайте ваш пропуск, — меньше всего Муранов хотел сейчас успокаивать взрослого мужика.

— Кто? — спросили из-за двери, в которую постучал Сергеев.

После ТЦ оперативники направились в адрес Романа Карташова. Ехать пришлось недолго — всего один квартал и немного вглубь дворов. «Ну понятно, почему ты в „Пегас“ ходишь», — подумал Виктор. Карташов им не открыл, да и в квартире его стояла полнейшая тишина. Кивнув самому себе, майор решил поспрашивать соседей.

— А мы по поводу Карташова... — начал Виктор.

— Идите вы со своим Карташовым к чёрту! — заорал срывающийся голос из-за соседской двери. — Задолбали! Он вам денег должен, вы его и ищите! Сколько можно нормальным людям из-за этой алкашины страдать? Пошли отсюда, иначе я в полицию звоню.

— Да мы и сами...

— Проваливайте! И не вздумайте мне дверь портить! Не видели что ли кому денег даёте? Сколько можно сюда ходить? — поток ругани из-за двери не иссякал.

— И заметь, Павлик, ни одного матерного слова, — сказал Сергеев Курёхину. — Не то, что ты. Интеллигентного человека оно сразу видно, во всех деталях и подробностях.

Вынув удостоверение, Виктор развернул его и поднёс к глазку. Через секунду возмущённый голос замолчал, а в следующую — щёлкнул замок. На пороге стоял щуплый мужчина с шарфом на шее. Его красный распухший нос делал его похожим на болеющего Деда Мороза.

— А вы? — мужчина обернулся к Павлу.

— Со мной он, — отмахнулся Сергеев. — Вот вы говорите, что к Карташову являются долги выбивать. И часто?

— Да постоянно. Честное слово, надоело уже у этого хмыря швейцаром работать. Почему-то все думают, что раз мы стенка в стенку живём, то я про него всё знаю.

— Понимаю, — посочувствовал Сергеев. — Досаждают сосед-то?

— Скорей бы уж квартиру продал. Пусть хоть многодетной семье. Думаю, спокойнее будет.

— А Карташов квартиру собирается продавать?

— Так он за неё платить не может. Долгов на нём, как на барбоске блох. Мне лично тысячу должен, но я уже смирился, что не вернёт.

— А вы его давно видели?

— И вы туда же? — всплеснул руками красноносый. — Я думал, что вы его за что-нибудь посадите. Или как-то повлияете, чтобы коллекторы к нам, соседям, не приставали.

— Обязательно так и сделаем, — пообещал Сергеев. — Вот только найдём Карташова и сразу его закроем. Так давно видели соседа?

— Я за ним не слежу. Вчера, вроде шумел у себя. Опять чертей гонял.

Спускаясь к выходу из подъезда, Виктор думал о том, что у Карташова вырисовывается вполне читаемый мотив убийства. «Наверняка убил мать, чтобы претендовать на её квартиру. А то и планировал свою продать, а к ней перебраться. Она не согласилась на вариант, и сын её зарезал».

— Паша, включай свой телефон и поднимай всю информацию по финансам Карташова, — сев в машину, приказал майор.

— Это если на него в суд подавали, чтобы взыскать. А могут же просто ходить и выбивать.

— Могут, — согласился Сергеев. — Но ты, Паша, всё равно проверь.

— В отдел приедем, и посмотрю в базе, — Курёхин пристегнулся, поудобнее устраиваясь в кресле. — У меня телефон почти на нуле.

— А вот в отдел, Павлик, мы не скоро приедем. Будем тут сидеть, ждать, когда Ромочка Карташов в родные стены решит вернуться. Так что бери в бардачке зарядку и работай.

Сам Сергеев расстегнул куртку и приготовился ждать. С того места, где они припарковались, хорошо просматривались оба входа во двор. Снаружи светило солнце, щебетали птицы, и вообще было так хорошо, что хотелось сидеть в парке на скамейке и пить горячий кофе из бумажного стаканчика, а не торчать в машине с сосредоточенно сопящим лейтенантом, склонившимся над смартфоном.

— Добрый день, Марина Григорьевна, — Муранов поздоровался первым.

— Добрый, Данил Александрович, — ответила Ленц, машинально поправляя причёску.
— Вы к нам по делу?

Вопрос был скорее риторический. Что ещё может делать следователь в Бюро судебной медицины? «Не к тебе пришёл, это уж точно», — одёрнула себя судебный медик, всё никак не могущая выкинуть мысли о Муранове из своей головы, а влюблённость из сердца.

— Да, к Савельеву. Вчера тело женщины привезли.

Они стояли посреди пустого коридора, не напоминавшего ни коридор больницы, ни коридор Следственного управления. В этих стенах не случается большого наплыва людей, которым пришлось бы ожидать своей очереди, сидя на казённых креслах у кабинетов.

— А Савельев в кафетерии, только что виделись с ним. Хотите провожу? — Марина Григорьевна шагнула к Данилу.

— Я знаю, где он у вас. Спасибо, — отказался следователь.

Кивнув на прощанье, он проследовал дальше по этажу, намереваясь свернуть налево в двойные стеклянные двери, за которыми и была небольшая столовая для сотрудников. Муранову уже приходилось здесь бывать, иногда он ждал там результатов вскрытия, готового отчёта или дожидаясь окончания медицинского освидетельствования потерпевшего.

— Там нет ничего сверхъестественного, — скучно сказал Савельев, ведя Муранова в свой кабинет.

Следователь вытянул эксперта из-за стола, где тот всё никак не мог допить свой кофе, листая бесконечную ленту в социальной сети. Взяв ещё стаканчик напитка с собой, Савельев начал рассказывать о вскрытии.

— А из обычного что? Время смерти уточнили?

— Скорее подтвердили, — Савельев открыл кабинет, приглашая Данила войти. — Смерть наступила в промежуток между одиннадцатью тридцатью и двенадцатью тридцатью от обильной кровопотери. Задета печёночная артерия, повреждён желудок и левое лёгкое. На груди и пятом левом ребре глубокие следы от лезвия. Сердце при этом не задето. Что ещё?

Судебный медик отпил кофе, жмурясь от удовольствия. Тонкий терпкий аромат арабики распространялся по кабинету, перебивая чисто медицинские запахи.

— А лопнувшие капилляры? — Муранов вспомнил красные прожилки в глазах убитой Карташовой.

— Да, — кивнул Савельев, оплетая стаканчик длинными ухоженными пальцами. — Есть признаки удушения. Точечные кровоизлияния в конъюнктивы и прочие изменения. Однако, на момент нанесения Карташовой ножевых ранений, женщина была жива.

— А защитные раны на руках? — Муранов просмотрел поданный ему отчёт о вскрытии.

— Не наблюдают, — покачал головой Савельев. — Думаю, её слегка придушили, чтобы не сопротивлялась, а потом уже кололи ножом.

— Что можете сказать о характере ранений?

— Так как все раны почти точно перпендикулярны полу, то, скорее всего, жертва находилась в лежачем положении. В мягкие ткани проникновение глубже, что понятно. Тут на самом деле не нужно обладать большой силой и какими-то особыми умениями.

— Значит, нет предположения о росте убийцы?

— Не представляется возможным, — пожал плечами Савельев. — Может, криминалисты что-то точнее скажут.

По дороге в Управление, Муранов несколько раз перечитал отчёт Савельева. В крови Карташовой присутствовал алкоголь, но в незначительных количествах. В желудке полупереваренная еда, остатки которой были и на плите. По характеру ранений судебный медик заключил, что в качестве орудия преступления использовался кухонный нож, размерами соответствующий пропавшему ножу из набора в кухне Карташовой.

«Спонтанное убийство или подготовленное»? — думал Муранов. Обе версии имели право на существование.

— Паша, не спи. Клиент идёт, — не разжимая губ, сказал Сергеев.

Они сидели в машине не первый час. Солнце уже спряталось за соседними домами, в окнах включался электрический свет. А в желудках оперативников начинало урчать от голода. Да и ноги затекли, хотя пару раз они по очереди выходили из машины размяться. От скуки Курёхин задремал, уютно, совершенно по-детски, сопя носом. Сергеев не будил его до тех пор, как не увидел Романа Карташова, завернувшего из подворотни во двор.

— Что? — не понял со сна лейтенант.

— Тихо ты, — шикнул Виктор и подбородком указал на идущего мужчину.

Карташов шёл, засунув руки в карманы слишком тёплой для этого времени года куртки. По сторонам не смотрел, вперив взгляд в асфальт. Движения его были какими-то дёрганymi, а шаги неравномерными, будто ему жали ботинки.

— Товарищ Карташов? Роман Евгеньевич? — Сергеев вышел из машины, когда Карташов с ней поравнялся.

Паша вышел следом и начал обходить капот, чтобы зайти Роману за спину. Карташов замер на месте. Посмотрел мутными глазами на полицейских. Огляделся по сторонам. И бросился бежать, отпихнув Сергеева.

— Стоять! — заорал Виктор, вынужденный сделать шаг назад, чтобы не упасть.

Карташов останавливаться и не подумал. С неожиданной прытью мужчина помчался ко второму выходу из двора.

— За ним! — но Курёхин и сам уже сорвался с места.

Погоня красиво выглядит только в кино. На самом деле она занимает считанные минуты, за которые становится понятно — выполняется ли норматив по бегу или как-то обходится по-другому.

Бежал Карташов недолго. Размахивая руками, он начал спотыкаться на ровном месте и, в конце концов, плашмя упал недалеко от детской площадки соседнего двора. Пара мамаш оторвалась от сплетен, которыми делились друг с другом, пока их дети резвились на горке, и уставились на троих мужчин, вторгшихся на их территорию.

— Я всё отдам! Я всё отдам! Не бейте! Не по лицу! — срывающимся на писк голосом кричал Карташов, задыхаясь от быстрого и бесполезного бега.

Роман перевернулся на спину, поджал к себе руки и ноги, напоминая странного жука. Сергеев и Курёхин нависли над ним.

— Конь трёхногий! — выругался Сергеев, чувствуя, что за эти минуты дыхание сбилось. — Кому ты сдался бить тебя?

— Полиция, — Паша, даже не вспотевший от бега, показал лежащему раскрытое удостоверение.

Карташов потянулся к «корочке», но Сергеев легко отбил его руку:

— Поднимайся. С нами поедешь.

Поняв, что бить его сейчас никто не будет, Роман немного расслабился. Всё так же напоминая жука, он перевернулся на четвереньки и поднялся. Курёхин крепко ухватил Карташова за предплечье, ощущая, насколько у того худые руки.

— Калмык? Чё делаешь? — спросил в трубку Сергеев. — Мы с Пашкой Карташова взяли. Романа. Есть желание поговорить?

Глава 3

1985 год

Здесь пахло бензином и пылью. А ещё сырой землёй и гнилой картошкой. Хотя именно картошку в этом гараже никогда не держали, как и других обычных заготовок, какие хозяйки в сезон закатывают на всю семью десятками банок. Этот гараж находился в самом дальнем углу гаражного кооператива, подальше от будки сторожа. Хотя на Сидора можно было положиться при любом раскладе — человек свой, проверенный, сидевший. Если нужно, он мог рассказать всё и про всех. А если нужно — прикинуться глухим и слепым на оба хитрых глаза.

Красный неприметный «Жигуль», каких на дорогах города не одна тысяча, въехал под шлагбаум. Сидор узнал машину и приветственно махнул водителю рукой из окошка будки.

— Чё тут? — чуть притормаживая, спросил шофёр сквозь опущенное стекло.

— Всё хоккей! Фарид на месте.

— Симафорь, если чё.

— Поучи ещё Сидора детей стругать.

«Жигуль» проехал дальше. Высокие фонари бросали на него тёплый свет. Из-за них ночь казалась здесь совсем непроглядной. Окна домов светились вдалеке. В такое время, а часы на руке шофёра показывали почти полночь, в гаражах никого не было. Да даже если бы кто-то и был, то к тому самому гаражу никого бы не пустили. Фарид Абишев держал под контролем подступы к своей территории.

На заднем сидении трепыхался мужчина в хорошем костюме. С обеих сторон его зажимали крепкие ребята, не вылезавшие из качалки в свободное от поручений Фариды время. На голове мужчины была старая наволочка из гобеленовой ткани. Она плохо пропускала свет и воздух. А вот паника и страх под ней лишь усиливались до гигантских размеров. По подбородку мужчины стекала кровь, язык то и дело натёкался на осколок переднего зуба и разбитую губу. Это мужчина, которого люди Фариды выловили прямо на пороге цеха, пытался возмущаться и дёргаться. Один из качков легонько, как ему казалось, двинул ему кулаком в лицо.

— Идиота кусок, — выругался Коляныч, выполнявший сегодня роль водителя. — Фарид сказал целого привезти.

— Так а чё он? Я-то чё?

— Ничё уже, — отмахнулся Коляныч, решив, что Абишев сам разберётся, не стоит заставлять его ждать дольше.

В гараже, который присмотрел себе Абишев, было пусто. Никаких полок, заваленных барахлом, которое жалко выкинуть. Никаких повешенных на стены лыж или детских санок. В углу притулился маленький верстак с тисками, на котором стоял ящик с инструментами, переделанный из почтовой коробки. Смотровую яму закрывал массивный люк с навесным замком.

— Едут, — Терьер вошёл в гараж.

Фарид стоял возле верстака, вертя в руках плоскогубцы. Одинокая лампочка в сотню ватт разгоняла по углам тени. Кроме них с Терьером внутрь никто не заходил. Пара человек — мелкие сошки для поручений — смиренно и безропотно ждали снаружи. Они и сами не особо рвались попадаться Фариду на глаза. Сегодня Абишев с утра был не в своей тарелке, хмурился больше обычного, скрежетал зубами, бранился и разговаривал исключительно матом. Не помогла ни водка, ни вызванная девка. Даже сделалось хуже — Абишев разбил о стену любимую фарфоровую чашку лишь потому, что кофе в ней оказался слишком горячим и Фарид обжёг губу. Пожалуй, один Терьер и не боялся оказаться рядом с бешеным казахом. Может быть, эта его уверенность и бесстрашие, оберегали Терьера от гнева Абишева, рядом с которым Терьер казался просто коротышкой.

Машина подъехала к раскрытым гаражным створкам. С заднего сидения выволокли пленного мужчину, потащили внутрь. Он упирался и дёргался, но стальные пальцы качков не давали ни малейшего шанса получить свободу. Забыв о том, что может получить очередной тычок, мужчина завопил:

— Отпустите! Вы хоть знаете, кто я? Что вы делаете? Куда вы меня приволокли?

— Ш-ш-ш, — зашипел Фарид.

Губы его презрительно кривились, глаза превратились в совсем узкие щёлки. Весь он стал похож на дикого зверя, готового броситься на человека. В такие моменты перед Фаридом пасовали все, поджимали хвост и сдавались на милость победителя. А те, кто думал, что сможет совладать с необузданным нравом Абишева, недолго задерживались на этом свете. Фарид не знал ни жалости, ни сострадания, ни милости к проигравшему.

Брыкающегося мужчину ввели внутрь. Один из качков легонько ударил его под колени, заставляя склониться. Второй сдёрнул с головы пленника наволочку, пропитавшуюся потом, кровью и слюной. От яркого света мужчина заморгал, но с колен подняться не пытался — крепкие руки на его плечах всё равно не позволили бы ему этого сделать.

Фарид мягкой походкой приблизился. Когда он заслонил собой свет лампы, в глазах мужчины появилось узнавание и ужас.

— Вы?.. Вы?.. Я...

— Думал, твои менты тебя защитят? Ты им не нужен без бабла. Ты вообще никому не нужен без бабла. Даже жене своей и щенкам, — Фарид говорил тихо, немного сонным голосом, в котором угроза чувствовалась гораздо острее, чем в крике. — Где они все?

Абишев обвёл гараж взглядом. Ни один из присутствующих не рискнул встретиться с его глазами.

— Я же тебе, как человеку говорил, что нужно делиться. И тогда никто на тебя не посмеет руку поднять. Никто не посмеет на твои варёнки рот раскрыть. Потому что ты подо мной будешь. Помнишь разговор этот?

— Но, но, но... — цеховик начал заикаться, не в силах собрать мысли.

Когда к нему нагрянул Абишев, в кабинете был ещё знакомый милиционер, которому регулярно платилась денежка за то, чтобы предупреждал об облавах и вообще способствовал спокойной работе предприятия. Рядом с человеком в погонах было спокойно. А сейчас цеховик один на один с бандой.

— Помнишь, — кивнул Абишев. — Вижу, что помнишь. Я вот тоже многое помню.

— Вы меня не так поняли. Я ведь не мог при менте сказать, что я бы и рад, чтобы вы за меня были, — мужчина сглотнул тягучую от крови слюну и заговорил, преданно заглядывая в скуластое лицо Фариды.

— Нда-да.

— Я буду вам платить. Сколько скажите, столько и буду, — своя жизнь в любом случае стоит гораздо дороже.

— Конечно будешь, — Фарид присел на корточки, чтобы оказаться с цеховиком лицом к лицу. — Но пойми в чём дело. Если я тебя сейчас не накажу, что обо мне люди подумают? Плохо люди подумают. Скажут: «Фарид размяк. Фариду можно посылать на три буквы, и он побежит. А потом можно ему деньги в лицо кинуть, он утрётся». Так люди скажут. Верно?

— Нет. Да, — мужчина сначала замотал головой и тут же затряс ею, не понимая, куда клонит этот страшный человек.

— Наказать я тебе должен.

Фарид грубо взял цеховика за мокрую от липкого пота ладонь. Тот попытался вырвать руку, но не вышло. Абишев, глядя своей жертве в глаза, захватил губами плоскогубцев ноготь на указательном пальце и рванул.

Гараж наполнился криком. По брюкам пленника потекло. Запахло мочой. Мужчина принялся дёргаться и безостановочно орать. Из раны, похожей на кусок мяса, полилась кровь, пачкая и руку Абишева. Тот, не поморщившись, перехватил плоскогубцы поудобнее.

— Нет! Нет! Не надо! — кричал цеховик, сжимая пальцы в кулак.

Страшнее, чем боль, — ожидание боли, которую уже знаешь. Эту аксиому Фарид давно выучил. Пользовался ею. Иной раз ставя во главу всего происходящего.

На бесстрастном лице Абишева не дрогнул ни один мускул, когда он вырвал ещё один ноготь. Цеховик надсадно кричал. Один из качков отвернулся, его замутило от вида крови. Второй просто не смотрел на то, что происходит, впиваясь пленнику в плечо пальцами, глуша таким образом собственный страх. Только Терьер цепко наблюдал за происходящим.

Шагая по улицам родного города, Миша Заболотин смотрел на прохожих с презрением и чувством собственного достоинства. Но никто не мог рассмотреть его наглого, оценивающего взгляда из-за солнечных очков. Дымчатые стёкла, шикарная оправка с нанесённым фирменным лейблом делали эти очки предметом зависти не только сокурсников, преподаватели заглядывались порой на раздетого в иностранные вещи студента. И за спиной, и в глаза Мишу называли фарцовщиком. А при любой его прогулянной лекции, небрежного конспекта или провального ответа ему с ухмылкой советовали бросить ВУЗ и пойти в торговлю, раз это у него хорошо получается. Миша имел неосторожность однажды ляпнуть:

— Советская торговля и без меня загнётся. А мне и загранички хватит.

Сказал это Заболотин злобной старой карге — Светлане Петровне, ведущей у их потока литературу, на которой обожала монотонным дребезжащим голосом цитировать Маяковского и Есенина. Поднялся скандал вплоть до вызова родителей и угрозы отчисления. Тогда Заболотин-папа как-то решил вопрос, всё-таки не последний человек в горисполкоме. Миша, конечно, получил нагоняй дома и впредь держал язык за зубами. Но мечты о лучшей жизни, чем у его родителей, хоть и выезжающих за границу, не оставляли. Мише так хотелось дышать воздухом западной свободы, что он и не думал останавливаться. Если раньше он по-тихому толкал вещи, которые родители привозили из редких командировок, перепродавал то, что сам покупал у родительских друзей, которые были порасторопнее четы Заболотинных, то со временем, курсу к третьему, у Миши появились собственные знакомые среди моряков и командировочных, которые поставляли ему не только джинсу.

Вот сейчас в портфеле с небрежно перекинутой через плечо лямкой лежало целое состояние — с десяток новейших пластинок. Все без единой царапины, в родной фабричной целлофановой упаковке. Как ни хотелось Мише самому послушать хотя бы одну, чтобы оценить качество да и просто пообщаться с Жанкой под зарубежную попсу, но ни одну пластинку он не вскрыл. За нераспакованное можно выручить гораздо больше.

Щурясь сквозь очки на яркое апрельское солнце, Заболотин подошёл к дому, где на втором этаже жил его приятель Мазурик — Мазур Славка. У Славки никогда никого не было дома и там можно спокойно торговать вещами с примеркой. Опять же — почти центр, но во дворах, не на самом виду, добираться удобно с любого района. Мазурик просил за предоставленную «точку», как он любил называть свою квартиру, немного — скидку на шмотки и что-нибудь сладкое. Толстый Мазурик жить не мог без конфет, поэтому на его лице всё время красовались прыщи.

«Что-то не то», — подумал Миша, взявшись за подъездную руку. Заболотин замешкался, тайком осмотрелся сквозь очки. Вроде бы, всё как обычно, но внутри забежали противные колкие мурашки, а в желудок провалился камень.

Из подъезда, чуть не стукнув дверью застывшего Михаила, вышел мужчина в костюме и чёрном пальто. Решительной походкой он направился к припаркованной на дальней стороне подъездной дорожки серой машине. Заболотин проводил незнакомца взглядом, но тому, как

будто бы, и дела не было до Миши. С усилием Миша стряхнул с себя оцепенение и вошёл внутрь.

Мазурик открыл быстро, словно всё это время стоял у дверей. Миша улыбнулся приятелю:

— Дома взрослые есть?

Обычно Заболотин задавал какой-нибудь глупый вопрос и входил. Это было что-то вроде традиции. Уже внутри приятели здоровались, и Мазурик первым лез в портфель или сумку Миши, чтобы посмотреть, что тот принёс. Не из жадности, просто ему было любопытно увидеть заграничные штучки. На этот раз Мазурик даже не улыбнулся, он затравленно бросил взгляд через плечо. Его мясистый подбородок немного подрагивал от волнения.

— Предки дома? — шёпотом спросил Миша, готовясь разыграть сценку подготовки к зачёту.

— Это... проходи, наверное, — Мазурик снова оглянулся себе за спину и перевёл на Заболотина испуганный взгляд.

Кто-то внутри квартиры, совсем рядом с прихожей досадливо крикнул. По одному этому невнятному звуку Миша понял, что Слава Мазурик не просто не один, что у него кто-то, с кем лично Мише встречаться не желательно. Особенно учитывая, что у него в портфеле не только пластинки, но и немного валюты, которую он обменял у того же морячка, привёзшего музыку. Что будет, если его со всем этим добром возьмут, Миша не думать не хотел. Тут и папа не поможет.

Развернувшись, Заболотин бросился бежать вниз по лестнице. За его спиной раздалась ругань:

— Уйди с дороги, жирдяй! Стоять!

Но Миша перепрыгивал через ступени, рискуя подвернуть и сломать ноги. Он выскочил из подъезда, как ошпаренный. И столкнулся с тем самым мужчиной в костюме и пальто, что несколько минут назад чуть не ударил его дверью. Тело Заболотина действовало без участия мозга. Глаза едва зафиксировали, что мужчина потянулся куда-то под полы пальто, а руки уже пихали его в грудь. Убегая, Миша набрал столько скорости, что буквально снёс вставшего на пути. Прижимая к себе портфель, чтобы он не мешал бежать, Заболотин рванул дворами. Длинные ноги, адреналин и страх гнали его, придавая сил.

— А Славка Мазурик оказывается поперёк выхода встал и пузом всё перегородил. Им пришлось его валить на пол, чтобы выскочить, — Миша рассказывал Жанне о своих приключениях с таким вальяжным видом, будто не было того побега с мыслями, что вот сейчас серьёзные дяди схватят его и поволокут в застенки, откуда за валютные операции ему уже никогда не выйти.

— Так откуда у Мазурика «эти» взялись? — Жанна прижималась к Заболотину, заглядывая ему в глаза.

Парочка устроилась на родительской огромной постели Заболотиных, пользуясь тем, что они ушли к кому-то в гости и собирались вернуться только поздно ночью.

— Да кто-то из соседей Мазурика сдал, что к нему якобы иностранцы ходят. И что сам Мазурик барыга и фарцовщик. А какой с него фарцовщик, если он только баблгам может выцыганить возле гостиницы? Вот если бы меня там прихватили, то было бы, конечно.

— Так Мазурик может про тебя рассказать? — Жанна приподнялась на локте, не забывая, что покрывало сползло и обнажило её острую грудь.

— Не расскажет, — улыбнулся Миша. — Мазурик только с виду дурачок жирный. А так-то он на математическом учится, большие надежды подаёт. Что-то там по кибернетике у него какие-то проекты и работы.

Жанна снова легла, устроив голову на груди любимого. Она представила себе, что было бы, если бы Мишу поймали. Это оказалось настолько страшно, что девушка заплакала, крепче прижимаясь к Мише.

— Ну ты чего, глупышка? — Заболотин погладил Жанну по голове. — Со мной ничего никогда не случится. С нами ничего никогда не случится плохого. Мы всегда будем вместе. Всё хорошо, не плачь. Всё хорошо. А будет ещё лучше, вот увидишь.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Миша крепко обнял шмыгнувшую носом Жанну. Полумрак комнаты, в которую солнечный свет пробивался сквозь задёрнутые шторы, скрывал их двоих от всего мира. Заболотин действительно чувствовал себя самым счастливым и везучим на свете.

2025 год

— Как же от тебя воняет! — Сергеев скривился и открыл форточку.

В кабинете через несколько минут после того, как оперативники ввели задержанного Романа Карташова, распространился запах прокисшего пива, пота и какого-то выедающего глаза парфюма. В отдел Карташова доставили вызванные ППСники. В свою машину Сергеев сажать перепачканного после падения Романа не захотел. Зато сейчас полицейские почувствовали всё на себе.

— Это дорогой одеколон. Мне мама подарила, между прочим, — Карташов если и был пьян, то не сильно.

Мужчина сидел на стуле рядом со столом Курёхина, который вносил его данные в протокол. Паша старался дышать, что называется, через раз, борясь с подкатывающей тошнотой.

— Вы меня за что задержали, а? За что, я вас спрашиваю? — поняв, что это не коллекторы или кто-то ещё из кредиторов, Карташов несколько осмелел.

— Гражданин, вы бы тон сбавили, — посоветовал Сергеев.

— А мне нечего скрывать. То, что на суд не явился, так у меня справка есть. Я болел. У меня было подозрение на аппендицит. Вот, — Роман задрал кофту вместе с футболкой, демонстрируя голый живот.

Что там должны были увидеть полицейские, осталось загадкой. Сергеев, сидя на подоконнике, вдыхал свежий воздух:

— На какой суд?

— Так вы что ли не про алименты меня взяли? Платить я всё равно не буду. Пусть сначала докажет, что они мои дети. А потом я решу, сколько ещё платить. Чтобы эта овца за мой счёт шиковала? Обойдётся!

— Слышь, — Виктор нехотя подошёл к Карташову и склонился к нему. — Сам-то за чей счёт живёшь?

— И чё? — Карташов уставился на оперативника мутными глазами.

— Виктор Иванович, пришёл ответ по задолженности. Нет ничего.

— Плохо, Паша, что нет. Но будет, ты, гражданин Карташов, не переживай.

После слов Романа про бывшую жену и детей, Сергеев вообще перестал считать его за человека и за мужчину. Майор рассматривал сидящего на стуле Карташова и пытался понять, мог ли тот убить мать. Если да, то он слишком спокоен, находясь в отделении полиции. Если нет, то кто это мог сделать? «И зачем он от нас побежал? Явно же всё рыло в перьях», — подумал Сергеев, присаживаясь на стол Курёхина.

Муранов приехал только через полчаса, когда и полицейские, и Карташов порядком друг другу надоели. Допрашивать без Данила Сергеев не стал — потом пришлось бы начинать всё с начала, а этого итак не избежать, пока идёт следствие. По изменившемуся лицу следователя, Виктор понял, что тот сразу учуял запах от Карташова.

— Здравствуйте. Меня зовут Данил Александрович, я следователь по делу об убийстве Анны Ивановны Карташовой, — как можно проще представился Муранов.

Курёхин тут же освободил для Данила свой стол, с удовольствием пересаживаясь на подоконник. Муранов успел снять пальто и пристроить его на вешалку, когда до Романа дошёл смысл сказанного:

— Чё? Чё сказал?

— Ваша мать, Анна Карташова была найдена вашим братом Олегом Карташовым.

— Мама умерла? — на глазах Романа выступили слёзы.

Данил никогда прежде не видел, чтобы слёзы набухали так быстро и были такими огромными. Если бы не увидел сам, то подумал бы, что Роману закапали в глаза какую-то жидкость, как делают в кино.

— Анна Карташова была убита, — следователь нарочно не говорил о деталях.

Эта уловка известна с незапамятных времён, но продолжала работать безотказно и сейчас. Выведенный из состояния равновесия допрашиваемый прокалывался на мелочах.

— Вы задержаны по подозрению в причастности к совершению данного преступления. Вам положен адвокат. У вас есть право на один звонок в моём присутствии. Вам есть кому позвонить?

Карташов размазывал слёзы кулаками по лицу, оставляя грязные следы. Думал над вопросом он недолго:

— Брату, брату буду звонить. Только у меня нет телефона.

— Конечно, ты ж его в «Пегасе» оставил, — сказал Сергеев и обернулся к Муранову: — Мы телефон его изъяли и передали криминалистам. Пашка вон сгонял.

— Хорошо, — кивнул Данил. — Роман Евгеньевич, вот телефон, можете звонить.

Следователь подвинул задержанному стационарный телефон. Тот поднял трубку и уставился на цифры. На лбу его пролегли морщины, брови нахмурились. Шмыгая носом, Роман начал медленно нажимать кнопки.

— Как ты, Карташов, живёшь? Вообще мозгов ни на что не хватает? — Виктор подошёл к телефону и быстро набрал номер Олега Карташова, который значился на страницах вчерашнего протокола.

— Спасибо, — Роман сжал трубку обеими руками, сильно прижимая её к уху.

Олег ответил на звонок после третьего гудка. Едва услышав голос брата на том конце, Роман затараторил:

— Олeжик! Олeжик, меня менты взяли. Они говорят, что мать умерла. Чё делать? Чё мне делать? Вытащи меня отсюда! Брат!

Никто не услышал, что сказал в ответ Олег, только Роман отнял трубку от лица и ошарашенно в неё уставился. В трубке пищали короткие гудки отбоя. Олег не стал говорить.

— Я так понимаю, адвокат у вас будет по назначению? — утвердительно сказал Муранов. — Это мы сможем организовать только завтра утром. Гражданин Карташов, сейчас вы можете всё рассказать, а можете дождаться адвоката...

— Да не в чем мне признаваться! Вы что? Думаете, что я маму убил? Вы чего? Это же мама! — перебил его Карташов. — Да я никогда!

— А соседи говорят, что ты мать регулярно по квартире гонял, когда чертей ловил. Что она в синяках от тебя ходила. И соседкам жаловалась на это, — безбожно врал Сергеев, склоняясь к задержанному.

Дышать рядом с Карташовым было невозможно, но Виктор знал, как действует на людей, когда к ним приближается полицейский и говорит обвиняющим тоном. Тут хочешь — не хочешь, а начинаешь нервничать.

— Это было один раз!

— В этот раз что не поделили? А? — наседал Сергеев.

Муранов морщился, он не был в восторге от действий полицейского. Любый адвокат разнесёт такие показания, даже не выходя в суд.

— Да я не был дома несколько дней! — кричал Карташов. — Чем хотите клянусь.

— Клятвы в суде не учитываются, — заметил Муранов, беря ситуацию под контроль. — Роман Евгеньевич, вы можете что-то сказать по существу дела?

— Я ничего не знаю. Mamочка, — Роман начал шмыгать носом ещё чаще.

— Бесполезно с ним сейчас разговаривать, — Виктор отошёл к подоконнику и согнал с него Курёхина.

— Согласен. Я сейчас быстро вам поручение и сопроводилку оформлю, свозите Карташова в Бюро. Пусть там подногтевое его возьмут. Судя по амбре, с водой гражданин не контактировал.

— Давай, Данил Саныч, пиши, — вздохнул Сергеев. — Нам дома-то делать нечего. Это ты у нас теперь конь стреноженный. Тебе-то надо домой, а нас с Пашкой никто не ждёт.

Муранов только покачал головой. Связываться с Виктором не имело смысла. В том, что оперативник выполнит задание, Данил не сомневался. А дома его и правда ждали. К этому он сам ещё не до конца привык. И это состояние было для него чем-то новым, дарящим радость и ощущение уюта. Печатавая на ноутбуке Курёхина документы, Муранов улыбался краешками губ. Сейчас в нём не было ничего пугающего и настораживающего, как это случалось обычно.

В первую секунду после пробуждения Данила охватила паника. Сердце колотилось, адреналин разгулялся по крови, прогоняя остатки сна. В его квартире кто-то ходил! Ещё не раскрывая век, Муранов затаил дыхание и прислушался. Ему точно не показалось и не приснилось — в кухне был кто-то.

Только соскочив на ноги, готовый действовать, Данил проснулся окончательно. Накрывшее напряжение тут же ушло. «Это Таня. Это Таня на кухне», — сообразил мужчина. Они с Леной переехали к нему всего несколько недель назад и привыкнуть к тому, что впервые в жизни в его доме живёт не только он сам, а ещё любимая женщина с дочерью, Данил не успел. Таня, сопротивлялась переезду, но Муранов настоял:

— Мы же не подростки, чтобы встречаться и видеться, когда есть время. Да и Лене будет удобнее до школы добираться.

Авхутская взяла время подумать. Идти в дом к мужчине, пусть даже такому, как следователь Муранов, было страшно. До этого жизнь обходилась с Татьяной настолько жестоко, что женщина просто не могла поверить, что теперь всё будет по-другому, что наконец-то к ней пришла не только любовь, но и спокойствие. Она терзала себя сомнениями, накручивала, придумывала сотни ситуаций, которые не сулили ничего хорошего. Однажды ночью, когда Таня сидела на кухне перед давно остывшим чаем и бездумно крошила коржик на блюде, из своей комнаты вышла заспанная Лена, собиравшаяся попить водички.

— Mam, ну что тут думать? — спросил ребёнок. — Ты же Данила любишь? И он тебя. Я-то вижу. Давай переедем. А если он будет тебя обижать, то просто вернёмся сюда. Это же наша квартира и никто теперь ничего не сделает.

С той минуты всё стало просто и легко. Они жили с Данилом, а в их квартире потихоньку делался ремонт. Татьяна собиралась попробовать сдавать квартиру, чтобы рассчитаться с долгами, которыми её наградила отчим.

— Привет. Мама гренки пожарила, садись, пока не остыли, — Лена, казалось, быстрее всех привыкла, что теперь они семья, пусть и нигде не зарегистрированная.

— Доброе утро, — сказал Данил, всё ещё испытывая какую-то неловкость.

Муранов не умел разговаривать с детьми. Своих у него не было, а с двоюродными братьями и сёстрами, которые обзавелись наследниками, он отношения не поддерживал. Было

сложно понять, как вообще говорить с ребёнком. О чём? И будет ли он сам интересен подростку? И всё же Данил старался.

Татьяна поставила перед ним тарелку с гренками и села напротив. Лена сидела с боку, болтала ногой и умудрялась говорить с набитым ртом:

— У нас сегодня контрольная по математике. Я сразу предупреждаю, что получу тройку. А потом я пойду к Лере, мам ты обещала, что можно. Да?

— Ну раз обещала, то да, — Таня была рада, что у дочери появилась подруга. — А ты допоздна?

— Скорее всего, — кивнул Данил. — У меня сегодня пара допросов и выезд на следственный эксперимент. Потом куча бумажной волокиты.

— Про эксперимент расскажешь? — загорелась Лена. — У тебя там кто? Маньяк?

— Лена! — воскликнула Татьяна.

— Всё хорошо, — Муранов положил ладонь на руку женщины. — Нет, не маньяк, но тоже не очень хороший человек. Я надеюсь, что ему дадут самый максимальный срок.

— Я когда вырасту, буду, как ты, — сообщила Лена, запихивая в рот последний кусочек поджаренного хлеба. — А ещё лучше, как дядя Витя. Он классный. А ты сегодня дядю Витю увидишь?

— Предпочёл бы не видеть, — усмехнулся Данил.

— Приветик ему передавай. Я умчалась.

Чмокнув по пути мать в щёку, девочка действительно вприпрыжку умчалась в прихожую. Данил прислушался к себе — это было что-то новое, что-то прекрасное — слышать, как ребёнок собирается в школу, сидеть напротив любимой женщины, есть вкусный завтрак, который ему приготовили. Он улыбался. Улыбалась Татьяна. День обещал быть хорошим, несмотря на загруженность на работе.

— Муранов! Вы почему здесь? — Константин Николаевич Агатов остановил следователя, поднимавшегося на крыльцо Следственного управления.

— Я здесь работаю, — ответил Данил и про себя подумал, что нужно бы меньше общаться с Сергеевым, его манеры оказывалась заразны.

— Данил Александрович, я из ума не выжил, и мой вопрос касается другого.

Сам Агатов только что вышел из автомобиля и направлялся к Муранову через небольшую площадку. По начальнику Данила сразу было понятно, когда тот сердится — усы Агатова топорщились, а брови сходились в одну линию.

— Тогда я не понял вашего вопроса, — пожал плечами следователь. — На планёрку точно не опаздываю. Тем более, вы тоже здесь.

— Муранов у вас убийство очередное. Вы что, сводки не читаете? Чем вы вообще заняты? Вам должен был сообщить дежурный.

— Убийство? На счёт моих подследственных мне никто информацию не передавал, — Данила начало охватывать беспокойство.

В его производстве было несколько дел на разной стадии. Трое подозреваемых задержаны, и с ними Муранов вёл более плотную работу, готовясь передавать дела. Сидели задержанные спокойно, никаких жалоб от их адвокатов не поступало. С потерпевшими, вроде, тоже всё было относительно в порядке. В целом, обычная рутина, пусть иногда перепачканная кровью и слезами людей.

— Причём тут ваши подследственные? Час назад по сводкам прошла информация — в Лесном районе в собственной квартире найден убитым пенсионер. По предварительным данным — колото-резаные ранения живота и грудной клетки.

— Какое отношение этот убитый пенсионер имеет ко мне? — Данил совершенно не понимал, куда клонит Агатов.

— Знаете, Данил Александрович, а вы не такой умный, каким казались.

Константин Николаевич стоял близко к подчинённому, и ему приходилось задирать голову, чтобы говорить и смотреть Муранову в глаза. Это было неудобно и немного униЗИтельно. Агатов порой завидовал этому высоченному человеку с чётко очерченными азиатскими скулами и раскосыми глазами, в которых порой плескалось что-то такое опасное и непостижИмое, что пробирало до костей не только задержанных, битых жизнью и зоной урок, но и людей, рангом и статусом стоящих гораздо выше Муранова.

— В вашем производстве дело Карташовой, — сказал Агатов. — Колото-резанные в область живота и грудной клетки. Так?

— Да. Но, Константин Николаевич, это не что-то из ряда вон выходящее...

— Это второй случай за неделю в городе, — перебил Агатов. — Второй случай с похожими обстоятельствами. Боюсь произносить это вслух, но вам не кажется, что у нас серия?

При упоминании о серии, у Данила пробежал неприятный холодок между лопаток. Он ещё не до конца отошёл от дела Птицелова. Да и не мог отойти, ведь работа продолжалась, хотя уже не требовала от следователя личного участия. А тут Агатов говорит, что в городе, готовящемся вступить в весну, снова завёлся маньяк? В такое Данил не хотел верить.

— Очень спорное утверждение, — осторожно высказался Муранов.

Но по его лицу Агатов понял, что следователь глубоко задумался. «Вот же чёрт страшный», — подумал Константин Николаевич, буквально ощущая, как вокруг сгущается и тяжелеет воздух.

— Берите мой автомобиль и поезжайте на место. Разберитесь, что там и как. Дело можете сразу присоединять к делу Карташовой. У вас полный карт-бланш на любые действия. Вы не должны допустить новых эпизодов.

— Давайте повременим с объединением дел в общее производство, Константин Николаевич. По Карташовой у меня сегодня допрос и результаты экспертизы. И задержанный.

— Муранов, прекратите спорить с начальством! Я вам приказываю, ехать и работать, выполнять свои непосредственные обязанности, — Агатов против воли понизил голос, мимо них шли в здание следователи и персонал. — Дело будет в любом случае отписано вам. Поезжайте, работайте, жду вас с докладом в шестнадцать ноль-ноль.

Выговорившись, Агатов решительно стал подниматься по ступеням. Муранов посмотрел ему в след. Будто почувствовав затылком этот взгляд, Агатов обернулся. На мгновение его поразили ставшие чёрными глаза Данила.

— Адрес водитель знает. Не заставляйте экспертов вас ждать, — совладав с собой, проговорил Константин Николаевич и поспешил скрыться за дверьми Управления.

Муранов вздохнул и пошёл к автомобилю. Он не видел, как стоявший всё это время у одной из колон дворник Дмитрий Эдуардович вынул из засаленной рабочей куртки телефон. Пальцем с неровно обкусанным ногтем дворник нашёл нужный ему контакт и позвонил, провоя глазами отъезжающую с парковки служебную машину Агатова.

— Доброе утро, Данил Александрович, — с майором Кривенко Муранов уже пересекался, сейчас он встречал следователя у подъезда дома, где произошло убийство.

— Доброе утро, — отозвался Муранов из вежливости, ведь утро уже перестало быть добрым. — Что здесь?

— Сверху сказали вас ждать и ничего не предпринимать, — Кривенко кивком пригласил Данила следовать за собой. — Первый этаж, налево. Так вот. Соседи заметили, что дверь открыта, решили узнать, всё ли в порядке. В квартире проживал одинокий пенсионер — Вениамин Игнатьевич Стрельников, тысяча девятьсот пятьдесят третьего года рождения. Вошли в квартиру, а там тело на кухне.

На площадке перед открытой настежь дверью стояли участковый, понятые и эксперты.

— Данил Александрович, рада вас видеть, даже при таких обстоятельствах, — улыбнулась Марина Григорьевна.

— Здравствуйте. Вы на дежурстве?

— Да, только заступила и вот первый вызов, — ответила Ленц.

Кого бы другого женщина одарила не ласковой улыбкой, а лекцией об уважении к чужому времени. Но это был Данил, чувства к которому и не думали угасать, хотя Марина Григорьевна уже была наслышана об Авхутской.

— Очень хорошо, — кивнул Муранов, искренне радуясь, что судебный медик именно Ленц с её дотошностью, профессионализмом и отзывчивостью.

Никто другой в Бюро судебной медицины так не относился к его поручениям, ставя их во главу угла. Данил даже предположить не мог, что все остальные просто делают свою работу, делают её настолько хорошо, насколько могут. А Марина Григорьевна лезет из кожи вон, чтобы у следователя Муранова результаты были как можно раньше, как можно более полные, что ради его внимания она самой себе кажется полной идиоткой, ругает себя за это и всё равно продолжает это делать.

— Можете начинать, — сказал Муранов, пропуская в квартиру экспертов.

— Так вот. Стельникова нашли на кухне, лежащим на полу. Там всё в кровище, просто, как со свиньи натекло, простите за выражение, — рассказывал Кривенко. — Сразу вызвали участкового. По словам соседей, они же сейчас понятые, в квартире ни к чему не прикасались. Только к дверной ручке. Стрельникова тоже не трогали, потому что с ним всё понятно, там помощь оказывать некому уже.

— Вы когда прибыли?

— Где-то минут за сорок до вас. Мне начальство сразу сказала, чтобы следака ждал и ничего не предпринимал.

— Понятно. Что ж, давайте посмотрим, с чем имеем дело.

Холостяцкие квартиры видно сразу. Кем бы ни были их владельцы, отсутствие женщины бросалось в глаза. А если уж мужчина оказывался одиночкой во взрослом возрасте, то небрежность к собственному жилищу увеличивалась в разы. В прихожей Стрельникова на большой вешалке умещались и зимние и летние вещи, которые любая хозяйка всегда убирает до сезона. То же самое было с обувью.

Протиснувшись мимо понятых, стоящих у стены и наблюдавших за работой экспертов через небольшой коридор, Муранов заглянул на кухню. Марина Григорьевна сидела на корточках рядом с трупом. Плотные бахилы на её ногах защищали обувь от натёкшей загустевшей крови на полу. Подойти к телу и не испачкаться было просто невозможно.

— Сложно умирал, — сказала Ленц, поднимая глаза на Данила.

Все, каждый из живущих, если он отдаёт себе отчёт и является дееспособным, хотя бы раз задумывался о смерти. О том, что она неизбежна и рано или поздно постучится и позовёт за собой. Этот факт настолько пугает и кажется противоестественным, что психика просто вытесняет его из сознания. Иначе жизнь превратилась бы в сплошное мучительное ожидание конца. И тем не менее, все надеются, что, когда настанет тот самый миг, всё пройдёт быстро, безболезненно и незаметно. Никто не желает «сложно умирать».

— Что вы имеете в виду? — Муранов на цыпочках, став на некоторое время ещё выше, подошёл ближе к телу, наклонился над ним.

На бледном, восково-жёлтом лице покойника ярко проступала двух-трёхдневная пегая щетина, кустистые брови страдальчески изогнулись, рот приоткрыт и видны на удивление хорошие крепкие для его возраста зубы. Всклоченные короткие волосы Стрельникова были с обеих сторон головы перепачканы запёкшейся кровью.

— Повреждения черепа? — спросил Данил.

— Нет, я проверила. Ни одной ссадины или гематомы, — покачала головой судебный медик. — Конечно, при вскрытии я осмотрю тело более подробно. Но вряд ли что-то изменится. Это кровь из ран на животе. Вот посмотрите.

Ленц приподняла футболку на теле хозяина квартиры. Разрезы на вещи совпадали с ранами на трупе. Муранов заинтересованно склонился ещё ниже, пытаясь разглядеть под корочкой запёкшейся крови то, на что указывала Марина Григорьевна.

— Ранения хаотичные, в основном сосредоточены в районе желудка, в нижней части живота. Есть несколько резаных ран, они неглубокие. Скорее даже, их можно назвать порезами. По количеству натёкшей крови можно сделать вывод, что Стрельников оставался живым после нанесения ранений ещё довольно продолжительное время.

— А то, что кровь размазана по полу, даёт понять, что он как-то перемещался. Или его перемещали, — понял Данил.

— Не хочу показаться жестокой, но, похоже, что покойник перед смертью вертелся от боли. Немного пытался ползти к двери. Но быстро обессилил.

«Сложно умирал», — повторил про себя Муранов, распрямляясь в свой почти двухметровый рост. Никто, ни один человек, что бы он не совершил, не должен умирать в мучениях. Данил искренне считал, что зло точно не стоит приумножать.

— Что по времени смерти?

— Окно было открыто, так что картина несколько смазана. Нужны будут дополнительные исследования, — Марина Григорьевна тоже поднялась на ноги, с неудовольствием отметив, как что-то хрустнуло в коленных суставах. Женщина понадеялась, что кроме неё этого никто не услышал. — Вряд ли я смогу установить время смерти с разбросом в час-полтора. Предварительно, это случилось около десяти часов вчерашнего вечера.

Оставив Ленц, Муранов прошёл по квартире Стрельникова. Ничего необычного Данил не увидел. В однушке особо и рассматривать было нечего — диван, тумба с телевизором, шкаф, кресло и старый журнальный столик, на котором стояла тарелка с яблоками. Никакого беспорядка, никаких перевёрнутых вещей и выдвинутых ящиков. У Стрельникова ничего не искали. «Или же точно знали, где лежат накопления или ценности, так что обыскивать не имело смысла», — подумал следователь, возвращаясь к понятиям.

— Что вы можете сказать о покойном? — спросил Данил.

— Да чё? Нормальный мужик. Был, — пожав плечами, ответил сосед убитого.

— Бобыль, — добавила понятая. — Так-то хороший мужик был, спокойный. Я не помню даже, чтобы он к себе кого-то домой водил. Вот кому надо было его убивать?

— А семьи у Стрельникова не было?

— Нет. Я его сто лет знаю, как сюда переехала.

— Ну чё это нет? — возразил понятый. — Сестра у него есть. Как-то видел давно.

— Хорошо, — уточнить эту информацию Муранов решил сам. — А вчера вечером ничего подозрительного не слышали?

Понятые переглянулись. Что можно назвать «подозрительным»? День, как день, даже не праздничный, чтобы как-то выделяться в череде остальных. Обычный четверг, чуть-чуть наполненный приятным осознанием, что завтра — пятница, а за ней и выходные. Теперь, когда во всех подъездах установлены металлические двери с магнитными ключами, подозрительные или маргинальные личности попадают на этажи крайне редко. А установленные новые двери в квартиры вообще отрезают внешнюю жизнь. Вечерами дом наполняется разными звуками — люди приходят с работы, дети доделывают уроки или просто играют, включаются телевизоры, музыка. Все торопятся хоть немного пожить для себя среди вечной гонки большого города. Тут, честно говоря, мало кто прислушивается и присматривается к тому, что творится у соседей. Если только это не что-то из ряда вон выходящее. Но, как оказалось, никто не слышал

шума или драки из квартиры убитого. «А ведь Стрельников, судя по всему, кричал и, наверное, звал на помощь», — размышлял Данил, выслушивая показания понятых.

— Данил Александрович, — мягко позвала Ленц.

— Что-то нашли?

— Нет. Я здесь закончила. Можем увозить тело?

— Конечно, — разрешил Муранов. — Возьмёте вскрытие?

— Если вы просите, — Марина Григорьевна улыбнулась, что совершенно не вязалось с лежащим за её спиной трупом.

— Спасибо. Я вам перешлю заключение вашего коллеги по вскрытию Карташовой. Нужно чтобы вы сравнили характер нанесения ранений с ранениями у Стрельникова. Мне нужно знать, можно ли предположить, что они нанесены одним человеком.

— Вы подозреваете серию? — понизив голос до шёпота, спросила Ленц, изумлённо выгибая брови.

— Я — нет, но это сравнение мне необходимо.

— Как скажите, Данил Александрович. Но это не раньше завтра-послезавтра, сегодня мне ещё работать и работать.

За их спинами зашептались понятые, уловившие обрывки фраз и с ходу сделавшие свои выводы. Мысль о том, что вот здесь, в их доме, маньяк совершил очередное убийство, защекотала нервы, одновременно пугая и раззадоривая любопытство, свойственное человеческой натуре.

Разрешив санитарам забирать тело Стрельникова, Муранов поручил участковому взять с понятых письменные показания, записать их данные и проводить их по домам. Где-то выше этажами ходил Кривенко и ещё пара вызванных оперативников из его отдела. Муранов сильно сомневался, что полицейские что-то узнают, раз уж ближайшие соседи не слышали ни звука, когда умирал Стрельников.

На первый взгляд то, что видел здесь Муранов, действительно напоминало картину в доме Карташовой. Одиноким пенсионер, убитый жестоким способом. Следов обыска нет. Следов взлома замка нет, значит, открывали двери убитые сами. И то, что оба были убиты в кухне, тоже наводило на мысль о схожести преступлений. «Однако, — останавливал себя Данил, — Карташову предварительно придушили, а Стрельникова нет. Хотя логичнее было бы наоборот, всё-таки это мужчина, который мог оказать сопротивление».

Опечатавая квартиру убитого, Муранов прислушался — сверху спускались оперативники. Поджидая их, Данил думал и о том, как так убийца ловко вычислил, что Карташова и Стрельников проживают одни. По крайней мере, что Карташова именно в тот вечер окажется одна, без Ромочки, в очередной раз на неё обидевшегося и ушедшего к себе. Районы, где были совершены убийства разные, даже несмежные.

— Рано пока делать какие-то выводы, — сказал себе под нос Муранов.

Завидев его возле двери Стрельникова, оперативники резко замолчали. В задумчивости Данил хмурил брови, и лицо его от этого казалось непроницаемым, как маска, а взгляд становился ещё пронзительней, чем всегда.

— Докладывайте, — сказал Муранов, посмотрев на Кривенко.

— А нечего докладывать. Никто ничего не видел и не слышал, — оперативник лишь подтвердил предположения следователя. — С месяц назад Стрельникову окно разбили. Всё списали на хулиганов.

— Не нашли, кто сделал?

— Нет, — покачал головой Кривенко. — Да, вряд ли искали. Стекло Стрельников на следующий день заменил и этим закончилось.

«Случайность? Или это было предупреждение»? Если так, то Муранов не понимал, кому и чем мог помешать тихий одинокий пенсионер.

— Данил Александрович, — этот чуть мурлыкающий голос Муранов мог узнать из сотни.

— Что вы здесь делаете? — спросил следователь, приближаясь к журналистке.

Карина Ерошенко сегодня была как никогда обворожительна. Чёрное приталенное пальто выгодно подчёркивало её фигуру. Шарф она не надела, позволив вороту свитера выглядывать, что придавало её образу несколько небрежный вид. Красиво уложенные волосы не портил поднявшийся ветер, встрепавший причёску Данила в первое же мгновение, как он вышел из подъезда.

— Поджидаю вас, — улыбнулась Ерошенко, поправляя на плече сумочку.

— Вы меня дождались, — холодно сказал Муранов и пошёл мимо к служебной машине.

— Пойдите, — Карина осмелилась и взяла его за руку.

Это был первый раз, когда журналистка притронулась к следователю. Он уже не казался ей так страшным, каким Карина запомнила его при ранних встречах.

— Что вы хотите? — остановился Данил, осторожно высвобождая руку.

Он смотрел на Ерошенко сверху вниз. Пресса — последнее, что Муранов желал бы видеть. Но если он сделает хоть одно неверное, грубое движение или скажет что-то, что легко вырвать из контекста, Агатов вряд ли одобрит его.

— Во-первых, вот. Это вам, Данил Александрович, — Ерошенко вынула из сумки книгу с глянцевого чёрной обложкой и единственным словом на ней.

— «Птицелов»? Вы серьёзно?

— Конечно. Мне показалось, это идеальное название. И издательство согласилось. Хочу, чтобы у вас был экземпляр. Всё-таки вы — один из главных героев.

Муранов поморщился. Заручившись — бог весть каким образом — поддержкой высшего руководства, Ерошенко умудрилась в короткий срок не только написать книгу по его расследованию, но и выпустить её до завершения суда над Пустынниковым.

— Откройте, — чуть застенчиво попросила Карина, выжидающе глядя на высоченного следователя.

— «Данилу Муранову, лучшему следователю. Вы показали мне, что такое Свет», — прочитал Муранов. — Спасибо, наверное.

В душе его была борьба: с одной стороны — Ерошенко беспардонно влезла в дело и вертелась под ногами несколько недель, с другой — было приятно видеть своё имя, написанное в книге, подаренной настоящим писателем. Данил держал книгу в руках, поражаясь её лёгкости и лаконичности обложки.

— Пожалуйста. Очень надеюсь, что наше с вами приятное сотрудничество будет продолжено. Вам я, пожалуй, могу признаться, написание книги оказалось для меня интереснее, чем написание текстов для репортажей.

Сотрудничать с журналисткой Муранов не собирался ни при каких обстоятельствах. Данил не искал славы и популярности. Ему хотелось просто выполнять свою работу. Выполнять настолько хорошо, насколько получится. Всё, что его интересовало и увлекало, — разбираться в загадках и понять логику другого человека.

— Это было первое, — видя, что следователь явно не собирается ничего больше добавлять, продолжила Ерошенко, незаметно, как ей показалось, сделав знак рукой.

Валерик, замотанный широким длинным шарфом, в толстой куртке, появился будто бы ниоткуда. На его плече уже была камера, индикатор которой говорил, что аппарат готов к работе.

— Данил Александрович, — голос Ерошенко утратил воркующие интонации и стал профессиональным чётким голосом журналистки, — как нам стало известно, вы сейчас работаете по двум преступлениям. За неделю при схожих обстоятельствах были убиты два пенсионера. Как вы считаете, это дело рук одного и того же человека? Можем ли мы говорить о том, что

это серия? Стоит ли жителям быть начеку и обращать внимания на одиноких пожилых людей, живущих по соседству.

Муранов поднял подбородок к небу. Там тускло светило солнце, утопая в жемчужно-серых плотных облаках, укутавших всё от горизонта до горизонта. Кто бы ни сливал Ерошенко информацию, делал он это хоть и не в достаточных количествах, но очень уж скоро. «И хорошо, что ей не передают всего», — вздохнул Данил. Тщательно взвешивая каждое слово, глядя прямо в объектив камеры, следователь произнёс:

— За неделю, к сожалению, в городе происходит ни одно и ни два убийства. Как и в любом мегаполисе, число преступлений, квалифицируемых статьёй сто пятой Уголовного Кодекса, в нашем городе имеет довольно высокую статистику. На данный момент, я ничего не могу сообщить о том, что есть какие-то основания делать выводы о серии преступлений. Соглашусь с вами в одном — гражданам нужно не терять бдительности. Это базовые навыки безопасности. Многих трагедий можно было бы избежать, если бы люди были внимательнее к себе и окружающим. И да, одиноко проживающим пожилым людям по возможности нужно уделять внимание. В конце концов, это часть того, что делает нас цивилизованным обществом. Если у вас больше нет вопросов, то я хотел бы отправиться в Управление и заняться выполнением своих непосредственных обязанностей.

Слегка кивнув на прощанье, Муранов чётко развернулся на каблуках и, не дав Ерошенко шанса задать ещё вопрос, ушёл к машине.

— Таким образом, Константин Николаевич, я не вижу причин объединять дела Стрельникова и Карташовой в единое производство, — через сорок минут Муранов был уже в кабинете Агатова с докладом.

Времени катастрофически ни на что не хватало, по пути на работу, Данил успел даже перенести два допроса свидетелей на завтра. В глубине души он надеялся, что переносить их ещё дальше не придётся.

— Рано делаете выводы, — сказал Агатов. — Экспертизы не проведены, о Стрельникове информация не собрана. Возможно, вы не видите всей картины.

— Но сейчас никто не видит всей картины, — возразил Муранов. — Однако и заявлять о серии преждевременно. Журналисты уже готовы раздуть эту теорию и посеять в городе панику.

— Знаете что? Если вам удалось вычислить одного маньяка, это ещё не значит, что вы стали великим специалистом по ним, — Агатов замолчал, понимая, что где-то в его собственных словах отсутствует логика.

Не то, чтобы Агатов жаждал снова оказаться на ковре руководства, отчитываясь о ходе расследования громкого дела, однако и перспектива получить по шапке за то, что проморгал очередного серийника не хотелось.

— Даю вам двое суток на то, чтобы провести все экспертизы и предоставить доказательства, убедительные доказательства, Данил Александрович, что это не серия. Пока будем исходить из того, что дела связаны.

Раз начальство что-то решило, то переубеждать Агатова стоило лишь весомыми аргументами. Муранов прокрутил в голове план действий:

— Разрешите тогда к делу Стрельникова привлечь оперативников, работающих со мной по Карташовой.

— Сергеева? — сразу понял Константин Николаевич. — Сколько угодно.

Будто почувствовав, что речь зашла о нём, оперативник позвонил Муранову. Данил извинился и ответил на вызов.

— Ну, Данил Саныч, ну сколько можно? — без приветствия сказал Виктор. — Сам назначил, сам не являешься. Тут у меня под дверью адвокат Ромочки сидит. Давай уже порадуй нас своим присутствием.

- Скоро буду, — коротко ответил Муранов, отключаясь.
- Жду с докладом утром, — напомнил Агатов, отпуская следователя.

Глава 4

1985 год

Фарид Абишев не верил ни в бога, ни в чёрта. Он верил лишь в судьбу и то, что сам её вершит. А когда веришь лишь в это, то просто берёшь от жизни всё, что хочешь, до чего можешь дотянуться или заставить других дотянуться и принести тебе на блюдечке с золотым ободком. Абишев, щуря глаза, превращая взгляд в холодное лезвие, как бы говорил всему этому миру: «Здесь всё моё! Куда посмотрю — моё! Я в своём праве. Есть только я и те, кто мне подчиняется». А если по какой-то причине Абишев не получал желаемого, приходил в ярость.

Внутри у Фариды всё клокотало от неисполненного желания. Он злился, и злился по большей части на самого себя. Та девка из ресторана не выходила из головы. Впервые в жизни он чувствовал что-то кроме обычной похоти, ему непременно хотелось коснуться кончиками пальцев её гладкого лица, хотелось почувствовать, мягкие ли у неё волосы, хотелось, чтобы она смеялась вместе с ним. Хотелось, чтобы она преданно заглядывала ему в глаза своими огромными голубыми глазами, чтобы говорила, что любит, чтобы сама жаждала его прикосновений. Прошло уже несколько дней с той встречи, а наваждение не проходило, не оставляло даже ночью, проникая в сны. И сны испортились, стали липкими, сладкими, манящими. Ночи не несли отдохновения. Фарид глушил водку стаканами, но никак не мог забыть эту русскую девчонку в короткой юбке. Девки, с которыми Абишев проводил время сейчас, вызывали отвращение. Они лезли к нему с поцелуями, но Фарид отпихивал каждую, делая лишь то, за чем приходил.

В это время в ресторане было малоллюдно. Рабочий полдень в самом разгаре, для ужина рано. Завсегдатаи подойдут позже, к вечеру, когда будет играть ансамбль, когда женщины наденут свои лучшие платья, а фонари на улице окутают ночь в тёплый свет. Мрачный невыспавшийся Фарид сидел за столом, ковыряя вилкой омлет, от которого мало что осталось. За соседним столом тосковал молчаливый Коляныч с парнями, не рисковавшими даже смотреть в сторону Абишева. Пожалуй, только Терьер, вольготно расположившийся напротив Фариды и потягивающий из тонкостенной чашки крепкий кофе, был в приподнятом настроении. Увидев кого-то за окном ресторана, Терьер ещё больше оживился, заёрзав на стуле.

— Не мельтеши, — буркнул Абишев.

— Я на пару минут отскочу, — Терьер поставил недопитый кофе и отправился в холл.

Фарид проводил его взглядом. Если бы мог, он бы наверняка прожёл в спине Терьера огромную дыру. Этот мелкий, юркий человек, незаменимый в команде, чётко выполняющий команды, порой бесил Абишева до пены на губах своей непосредственностью и отсутствием благоговения перед Фаридом. Другой на месте Терьера давно бы уже кормил червей где-нибудь на заброшенном кладбище или в придорожной канаве, но Терьер был полезен. Лишь его умение находить что угодно и кого угодно, мгновенно обрастать полезными связями и добывать информацию, делали его неуязвимым перед гневом Абишева. Непонятно, осознавал ли сам Терьер свою ценность и то, как он рискует, проявляя к Фариду такое отношение.

— Есть, есть что-то там, — сказал вслух отрывок мысли Абишев.

Он видел, как в дверь ресторана, минуя сонного лакея, которого Абишев не считал за человека, вошёл молодой парень. С первого взгляда вошедший казался иностранцем, веяло от него чем-то нездешним, чем-то несоветским. Модные солнечные очки скрывали половину лица за стёклами, напоминающими стрекозиные выпуклые глаза. А потом молодой человек снял очки, и Абишев его тут же узнал. Губы Фариды презрительно скривились — этот хлыщ был с той девушкой. И ушли они вместе. Он, этот, с которым сейчас разговаривал Терьер, нагло обнимал её за талию, прижимал к себе и что-то нащёптывал на ушко. Что-то такое шептал, что заставляло её смеяться, а Фарид от этого смеха всё крепче сжимал в пальцах рукоятку вилки.

— Принёс? — Терьер от нетерпения переминался с ноги на ногу.

— Как договаривались, — Миша улыбнулся с чувством превосходства.

Этот контакт ему подсунул всё тот же Мазурик. «Человек серьёзный, надёжный, — рассказывал Слава, — интересуется джазом. Очень живо интересуется и денег на пластины не жалеет». Свой магарыч за информацию Мазурик получил, а Миша обзавёлся постоянным клиентом.

— Давай, не томи, — Терьер даже вытер вспотевшие от волнения ладони о брюки.

Ничего так не волновало его, как музыка. Он мог часами крутить одну и ту же пластинку, наслаждаясь звучанием, выискивая всё новые нюансы. Если кто-то получал удовольствие от выпивки, бесконечного числа девок, азартных игр или чего-то ещё, то Терьеру нужны были новые пластинки.

— Здесь можно? — Миша оглядел холл.

— Здесь можно, — кивнул Терьер.

Если кто-то и увидит, чем они заняты, то никуда не побежит, никому не сообщит и вообще сделает вид, что ничего особенного не происходит. Вряд ли кто из ресторанной obsługi решится хоть слово сказать, могущее навредить человеку Фарида Абишева.

Миша не спеша расстегнул сумку. Ему доставляло удовольствие смотреть, как серьёзный взрослый человек изнывает от вожделения. Будто ребёнок в новый год раскрывает кулёк с конфетами, рассчитывая найти там шоколадку или мандарин и грецкие орехи.

— Ой-ой-ой! Ой, какая красота, — Терьер потёр ладони, видя, как из Мишиной сумки появляются пластинки в ярких конвертах.

— Три штуки прямо с завода, можно сказать. Переплыли океан и готовы к прослушиванию, — чуть растягивая слова, говорил Заболотин.

Терьер с придыханием взял пластинки в руки. Облизнув тонкие губы, он с пристрастием осмотрел каждую с обеих сторон.

— Прекрасно! Как же это прекрасно! — шептал Терьер, позабыв о времени и месте.

— Рассчитаться бы, — напомнил Михаил.

— Да-да, — выходя из транса, покивал Терьер. — Ты как всегда на высоте. Чё там, когда следующие?

Заболотин пересчитал полученные деньги, убрал их в кожаный кошелек с тиснённым ковбоем на одной стороне и индейцем на другой.

— В конце месяца, скорее всего. Я позвоню.

— Угу, — Терьер снова погрузился текст на обороте одной из пластинок.

— Ну и зачем? — спросил его Абишев, когда Терьер вернулся за столик.

— Что «зачем»? — окрылённый приобретением, Терьер улыбался от уха до уха, имея глуповатый, но довольный вид.

— Зачем ты платишь этому? — Абишев вилкой указал на выход из ресторана. — Ты ведь можешь взять себе эти твои пластинки бесплатно.

— Могу, — согласился Терьер, любовно поглаживая обложку, запаянную в целлофановый конверт. — И, веришь, первый раз именно так и хотел сделать. А потом подумал: кто мне ещё принесёт такое? Видишь, это Канада. Это настоящий чёрный джаз. У нас такого нет и никогда не будет. Не будет в этой стране продаваться западная музыка. А то, что играют у нас, мне даром не надо.

— Разве в музыке этой твоей есть хоть какой-то толк?

То, что Абишев говорит и не злится, должно было навести Терьера на нехорошие мысли, но он уже предвкушал нынешний вечер в компании свежих пластинок.

— Музыка — это душа, Фарид. Это волшебство. Я не понимаю, откуда она берётся, но я знаю, что она даёт лично мне, — откровенничал Терьер, прихлёбывая холодный кофе.

— Ты этого, — снова тычок вилкой в сторону ресторанной двери, — хорошо знаешь?

— Ну так. А что?

— Мысль есть, — недобро улыбнулся Абишев.

Улыбка на его лице казалась чем-то неестественным. Проведя ладонью по густым чёрным, как безлунная ночь, волосам, Абишев хохотнул, заставив вздрогнуть Коляныча.

— Эй, — крикнул Фарид официанту. — Нормальной жратвы принеси!

2025 год

В адвокаты Карташову досталась совсем ещё юная девушка. «Интересно, он её первый подопечный?», — подумал Данил, заполняя строки протокольного бланка. Роман Карташов сидел напротив, сунув трясущиеся ладони между коленей. Вид у него был жалкий и потрёпанный, ночь в камере не прошла даром.

— Гражданин Карташов, ваш адвокат разъяснила вам, за что вас задержали и что вменяют в вину.

— Угу, — кивнул Карташов. — Но я не делал этого! Это ж моя мама!

— В вашем подногтевом содержимом найдены частицы крови по группе совпадающие с группой крови Карташовой Анны Ивановны, — продолжал Муранов.

— Нам это было неизвестно, — сказала адвокат, старательно изображая серьёзность.

О том, что такие частицы были найдены, сам Муранов узнал по пути в отдел полиции. Эксперт позвонил и сообщил это, предупредив, что ДНК будет позже.

— Ну, в целом-то, никто и не сомневался, — пожал плечами Сергеев, когда Данил рассказал о результатах экспертизы. — Сейчас допросишь его, расколешь, и поедем обыск делать на хату. Короче, минус дело, плюс в раскрываемость.

— Не торопись радоваться. Агатов мне дело отписал утром, там похожая ситуация. Ты в следственной группе.

— Вот так здрастье! Ни за что не поверю, что у нас тут рассадник маньяков.

— Никого не интересует, во что ты веришь. Отработать всё равно нужно.

— Да понятно, что сделаем, — вздохнул Виктор.

Что бы Сергеев не говорил, а внутри заёрзала тревога. Не хватало только снова вздрагивать от каждого звонка, ожидая вызов на новый труп. Пусть уж всё закончится на этом сиденье на стуле, дурно пахнущем, обросшим пегой щетиной человеку.

— Роман Евгеньевич, вы всё ещё можете сделать заявление и признать свою вину, — доверительно говорил Муранов.

— Не давите на моего клиента.

— Ни о каком давлении речи не идёт, — Данил посмотрел на адвоката, заставляя её отодвинуться от стола.

Карташов раскачивался всем корпусом, повторяя, что невиновен, что всё это какая-то нелепая ошибка, что он так сильно любил маму, что ничего бы никогда ей не сделал.

— А как же кровь мамы под ногтями оказалась? — влез в допрос Сергеев, всё это время сидевший за своим столом, крепко сцепив пальцы в замок.

— Вы не процессуальное лицо в данном случае, — заявила адвокат, на которую давили и эти непривычные пока ещё стены и авторитет оперативника и следователя, и, что уж скрывать, разлитый по кабинету тестостерон.

— Я её не убивал! — закричал, срывая голос, Карташов. — Не убивал!

— Где вы были в ночь с понедельника на вторник на этой неделе? — лёгкого допроса явно не предвиделось, на что Муранов в тайне надеялся.

— Не помню! Не знаю. У меня болит голова, — в подтверждение слов, Карташов вцепился в свои немытые волосы.

— Пить надо меньше, — пробурчал Сергеев.

— В ваших интересах вспомнить. Алиби у вас нет, а частицы крови под ногтями есть. Из этого, гражданин Карташов, может быть лишь один логический вывод. Даже ваша адвокат не станет возражать, что это, как минимум, подозрительно.

Адвокат с покрасневшими щеками закинула ногу на ногу, чтобы придать себе более независимый вид. Когда в коллегии ей передавали дело, она воображала, что легко и быстро со всем справится. Действительность больно щёлкнула по носу.

— Дома я был. Дома, — вспомнил Роман и даже заулыбался. Впрочем улыбка быстро погасла.

— Что делали? Кто это может подтвердить?

Карташов напрягал память, но дни путались. Мужчина давно уже не работал, слишком много пил, смотрел бесконечные, похожие один на другой сериалы, ложился и вставал, когда хотел. Время перестало для него что-то значить: если светло, то день, если темно — ночь. Какие-то обрывочные картинки всплывали в его сознании. Но когда конкретно случилось то или иное, Роман не помнил точно.

— У вас есть возможность пообщаться с адвокатом. Я сейчас беру постановление на обыск в вашей квартире, и мы отправляемся в адрес, — Муранов устал ждать, пока Карташов выдавит из себя хоть что-то дельное.

В любом случае его квартиру нужно было обыскать. Если уж брызги крови были на потолке в кухне Анны Карташовой, то убийца не мог не испачкаться. В чистоплотности Романа нельзя заподозрить, так что Данил рассчитывал, что какая-то его одежда будет со следами преступления. «Тогда мне вообще не нужны будут признательные показания», — подумал следователь.

В том, что это тот самый нож, Данил не сомневался. Криминалист вынул его из-под груды несвежей одежды, сваленной на кресле.

— Ну тут всё, как у мамы, — прокомментировал Сергеев, едва переступив порог квартиры Карташова. — Наследственное это.

Поручив Курёхину вести видеофиксацию обыска, Муранов ещё раз предложил растерянному Роману сделать заявление. Тот по настоянию адвоката, нелепо смотрящейся в этой убогой обстановке в стильном брючном костюме и укороченной замшевой куртке, снова заявил, что невиновен. И криминалисты принялись за работу. Не прошло и получаса, как сняв и тщательно осмотрев каждую вещь на кресле, эксперт наткнулся на нож.

— Нож кухонный, — комментировал криминалист, демонстрируя прибор на камеру. — На лезвии у рукоятки имеются следы бурого цвета, предположительно кровь.

В комнате повисло молчание, под которое криминалист упаковал нож в прочный пластиковый пакет. Щёлкал затвор фотоаппарата, шушала ручка по бирке.

— Это не я, — замотал головой Карташов. — Я не мог! Я не мог этого сделать.

— Догонялся своих ведём, скотина. Мать родную прирезал, — не выдержал понятой.

Это был крупный одутловатый мужчина в безразмерной красной футболке, растянутых трико и тапочках на босу ногу. Он с такой злостью смотрел на Карташова, что Муранов предпочёл встать между ними.

— Итак, Роман Евгеньевич, вы можете пояснить, как в вашей квартире оказался этот нож, которым, предположительно, была убита ваша мать?

— Нет, — Карташов едва шевелил губами.

Он с ужасом перебирал в голове события последней недели. Был у матери? Да, был. А когда? Что делал? Помнил, что ел суп, что они в очередной раз поругались... Помнил, как замахивался на неё за то, что не даёт денег на пузырь... Просто замахивался или схватил из подставки нож и ударил? Роман не мог ответить на это самому себе. У него закружилась голова

и подкосились ноги. Только полицейский, к которому Карташов был пристёгнут наручниками, не дал ему упасть на пол.

Данил склонился к осевшему подозреваемому. Сыграть такое было невозможно, но следователь знал, что само событие преступления порой вытесняется из памяти убийцы. «Особенно, если учесть, в каком состоянии находился Карташов на момент его совершения».

— Сергеев, вызывай «скорую», пусть его в чувство приведут, — распорядился Муранов. — Надеюсь, со стороны адвокатуры возражений нет?

Данилу не спалось. С ним такого давно не случалось, чтобы сон никак не приходил после насыщенного дня. Постоянная загруженность и общение с разными людьми отнимали силы и выматывали нервы. Плюс долгое сидение за ноутбуком. И бесконечные, кажется, разъезды по городу. А ещё бесконечные мысли по разным делам, которые перескакивали одна на другую или плавно друг в друга перетекали. Муранову нравилось держать в голове детали расследований и большие объёмы текстов. Данил обожал, когда было над чем подумать. Но нельзя постоянно быть в напряжении, тело и разум нуждаются в отдыхе, хотя бы в небольшом.

Раньше Данил просто встал бы с постели и пару минут лупил по груше, чтобы разогнать кровь и выпустить напряжение. Но сейчас рядом с ним, уютно уткнувшись ему в шею носом, сопела Татьяна. Её распущенные на ночь волосы щекотали его щёку, но Муранов не торопился их убирать. В этих простых, обыкновенных вещах он находил что-то чудесное и необъяснимо притягательное.

Почти невесомо касаясь волос любимой женщины, следователь думал о совсем неромантических вещах. Он думал о Бюро судебной медицины, где был утром.

Марина Ленц лишь убедилась в том, что была права ещё там, в квартире убитого Стрельникова. Ни один жизненно важный орган покойника не был повреждён. Но совокупность ран оказалась смертельной.

— Причина, как я и предполагала, — говорила Марина Григорьевна Муранову, пришедшему по своему обыкновению лично в секционный зал, — смерть наступила от обильной кровопотери и болевого шока. Всего на теле пятнадцать колото-резаных ран, все сосредоточены в районе солнечного сплетения.

— Но неглубокие, насколько я вижу, — Данил рассматривал тело Стрельникова, лежащее на столе.

Омытое после вскрытия с довольно грубым швом во всю грудную клетку и до самого паха тело напоминало манекен. Довольно странный манекен, который вряд ли кто-то захотел бы использовать для показа одежды. Судебный медик зашила и разрезы, которые нанёс убийца. Эти короткие швы покрывали бледный живот трупа. Данил обвёл взглядом каждый из них.

— Совсем не похоже на картину по Карташовой, — заметил Муранов.

— Да, — согласилась Марина Григорьевна, пристраиваясь рядом со следователем. — Я успела посмотреть на её труп. Там ударов не так много, и они гораздо глубже. А здесь, я бы сказала, что били много и быстро, не давая себе опомниться.

— Аффект? — Данил несколько отстранился от Ленц, от неё слишком навязчиво пахло парфюмом, что не могло заглушить запах тела женщины, которая простояла у секционного стола несколько часов.

— Возможно. Если вы посмотрите на его руки, то увидите, что никаких защитных ран нет.

Это Муранов увидел ещё в кухне, залитой кровью Стрельникова. Инстинкты всегда толкают человека закрываться от нападения. Люди часто пытаются схватить нож, отобрать его. Бесстрашно — не раздумывая ни на секунду — берутся прямо за лезвие. Порезы порой бывают страшнее, чем раны на других частях тела. А ещё люди, защищаясь от нападения, выставляют

перед собой согнутые руки и тогда порезы остаются на предплечьях и запястьях. Защитные раны. У Стрельникова такого не было.

— Либо он не мог защищаться, либо это случилось так быстро, что не успел среагировать, — думал вслух Муранов. — Какие-то ещё повреждения?

— Гематомы на правой ягодице и правой лопатке. Предполагаю, что он получил их при падении с высоты собственного роста. В целом, со здоровьем у Стрельникова всё было вполне хорошо для его преклонного возраста. Начал образовываться песок в почках и повышен уровень холестерина. Легко мог бы ещё лет пятнадцать-семнадцать прожить. Крепкий был старик.

— Что ещё в крови, кроме холестерина? Алкоголь? Препараты?

— Ничего такого. В желудке остатки еды, почти переваренной.

Муранов отстранился от трупа, позволив Марине Григорьевне накрыть тело простынёй. Вскрытие не дало никаких зацепок. Вполне прогнозируемый результат. Оставалось уточнить лишь ещё одну деталь:

— Марина Григорьевна, мы при обыске нашли нож — предполагаемое орудие убийства Карташовой. Сейчас с ним работают криминалисты. Я распорядился после передать его вам. Нужно ваше экспертное мнение, является ли нож орудием преступления и мог ли этот же нож быть использован при убийстве Стрельникова.

— Конечно, Данил Александрович, я сделаю, — Ленц подошла к следователю и положила прохладную ладонь ему на руку. — Вы, наверное, устали. Хотите чаю? Я сегодня принесла домашний сбор, с чабрецом.

Женщина с надеждой и преданностью собаки заглянула в глаза Муранова. Каждый раз, когда она глядела на его высокие чётко очерченные скулы, ей нестерпимо хотелось до них дотронуться губами. Даже теперь, когда Марина Григорьевна точно знала, что Муранов не одинок.

От чая Данил отказался.

— Интересный тип был этот Вениамин Игнатьевич Стрельников. Такой себе старичок с сюрпризом.

Сергеев сидел за своим столом, откинувшись на спинку стула и сложив ноги на столешнице. Зажав трубку стационарного телефона между плечом и ухом, Виктор пытался развязать узелок на пакете с пирожками, купленными в столовой отдела.

— Хотелось бы подробностей, — сказал Муранов на том конце провода.

— Привлекался наш покойничек, — узелок не поддавался, заставляя майора стискивать зубы. — Только странно привлекавшийся.

— Виктор Иванович, — перешёл на официальный тон Данил, — докладывайте по форме. Не можете устно, пришлите письменно.

— Не гони коней, Калмык, — буркнул Сергеев.

Узел никак не развязывался, затягиваясь всё туже. Курёхин, наблюдавший за мучениями Сергеева со стороны, не выдержал. Подойдя к нему, Паша взял ножницы и отрезал часть пакета с узлом.

— Вот кто тебя просил? Может быть, в этом был весь смысл? Может быть, мне хотелось самому справиться? Иди с глаз моих! — завозмущался Виктор. — Кофе мне налей и испарись.

— Сергеев! Я жду доклад! — Муранов готов был ударить оперативника, параллельно решавшего какие-то свои задачи.

— Я и говорю. Непростой дедок был. Шестнадцать лет назад он был участником ДТП со смертельным исходом. На пешеходном переходе сбил женщину с двумя детьми, — Виктор вынул один пирожок и откусил сразу чуть ли не половину.

— Ваш кофе, — Паша поставил на стол кружку и снова засел за отчёты.

— Когда освободился? — спросил Муранов.

— В зале суда, — с набитым ртом ответил Сергеев.

— Что? За тройное убийство освобождён в зале суда? — в такое верилось с трудом.

— Почему за тройное? — Сергеев отхлебнул кофе. — Курёхин, чё кофе холодный? Ай, впрочем, чего от тебя ждать? Так вот, Данил Саныч, умерла только женщина. Один ребёнок получил травму позвоночника, второй — не пострадал.

Муранов стоически переживал, слушая, как Сергеев жуёт и прихлёбывает. Оперативник явно решил насладиться рассказом и в очередной раз попытался вывести Муранова из равновесия. Было у Виктора такое сомнительное развлечение.

— Короче, дети остались круглыми сиротами трёх и двух лет. Стрельникова задержали, так как с места происшествия он не скрылся и даже вызвал сам полицию и врачей. Сидел он в СИЗО всего три месяца, пока шло разбирательство и собственно суд.

— И должен был ещё отсидеть как минимум восьмёрку, — вставил Муранов.

— Угу, — Сергеев принялся за второй пирожок. — Только вместо этого он вышел. В ходе разбирательства выяснилось, что в машине были неполадки, вызванные заводским браком, которые до этого ДТП никак себя не проявляли. И всё это один большой несчастный случай.

— И что тебя смущает? Такое бывает, к сожалению.

— А то меня смущает, друг мой полуазиатский, — Виктор замер, вслушиваясь, как где-то в своём кабинете злобно засопел следователь, — что, ещё не выйдя на свободу с чистой совестью, Стрельников через адвоката продал одну из имеющихся у него квартир. Деньги от сделки ни по каким официальным каналам не всплыли. Есть мысли?

— Имеются, — мрачно отозвался Данил.

— То-то и это самое. Очень интересный тип был.

— Ближайшие контакты: родственники, друзья, бывшие коллеги? — после недолгого молчания спросил Муранов.

Вряд ли они смогут доказать по истечению такого срока, что имел место подкуп, да ещё и учитывая, что один из фигурантов мёртв. «Однако, — думал Данил, — раз Стрельников был способен на такое, возможно, и в дальнейшем у него случались или конфликты, или какие-то махинации, за которые его могли убить».

— Отрабатываем, — Виктор допил кофе и посмотрел на дно кружки. Её давно стоило бы вымыть с чистящим средством. — Пашка уже запросы по базам разослал, ждём. Телефон Стрельникова у техников. Завтра утром получим контакты и доступы к перепискам.

— Что по окну? — напомнил Муранов.

— Ничего. Участковый оформил заявление и положил в папочку. Формально, конечно, местную шпану опросил, но никто, понятное дело, не сознался. Кому охота, чтобы его менты таскали, как того коня по полю? Короче, на тормозах спустили. Ты что думаешь?

— Пока ничего не думаю. Может быть, это вообще не имеет никакого отношения к убийству. Работайте.

— Благодарствуем за разрешение, товарищ следователь, — сказал Сергеев в уже замолчавшую трубку.

Осторожно, чтобы не потревожить Татьяну, Данил поднялся с постели и ушёл на кухню. Ужасно хотелось курить, но Муранов твёрдо решил бросить. Уже несколько дней не покупал сигареты. Взяв спичку и зажав её в зубах, Данил уставился в окно. Там была ночь во всей красе редких светящихся окон, фонарей вдоль дороги, темноте асфальта после робкого первого дождя, грозящего утренним гололёдом.

Кто-то сидел в машине, припаркованной напротив подъезда, и курил. Данил не видел, кто это был. Только огонёк сигареты мелькал во мраке салона. Именно зажженная сигарета привлекла внимание следователя, зубы крепче сжали спичку. С одной стороны Муранов зави-

довал водителю, явно кого-то поджидавшего, с другой — гордился тем, что вполне сносно держится без табака.

Нежные руки обвили его торс, тёплая родная женщина тихонько обняла сзади. Жест был такой простой и вместе с тем наполненный чем-то особенным, что Данил поневоле улыбнулся от нахлынувшего счастья.

— Почему ты не спишь? — спросила Татьяна шёпотом.

— Не знаю, — Муранов прикоснулся к её рукам.

— Идём. Утром переловишь всех преступников.

Женщина повела его за собой. И Данил с радостью пошёл, ведь ночь создана не для тяжких раздумий.

«Плохо выглядите, Данил Александрович. Заболели? Или что-то плохое случилось?» — слова дворника испортили настроение. Может быть, Муранов и выглядел несколько уставшим, но это не касалось никого, тем более человека, с которым следователь не общался близко. Посмотрев на себя в отражение зеркала в платяном шкафу в своём кабинете, Данил отметил и морщины на лбу, и тёмные тени под глазами. Потом он вспомнил Татьяну и в который раз изумился — что она в нём нашла? Посмотрев самому себе в глаза, Муранов решительно закрыл дверку.

На проходной следователя ждал конверт с результатами экспертиз по Карташову. Этим нужно было заняться в первую очередь. В деле не было ничего неясного, и Данил рассчитывал передавать его дальше. Но чем дольше он изучал заключения экспертов, тем меньше становилась его уверенность.

На ноже были обнаружены частицы крови Анны Карташовой. Немного крови затекло в щель между лезвием и рукояткой, так что материала для исследования оказалось с лихвой. Здесь ошибки быть не могло. А вот с отпечатками всё оказалось сложнее. Да, они принадлежали Роману Карташову. Но по их расположению выходило, что Карташов удерживал нож кончиками пальцев. Данил даже взял карандаш так, как располагались пальцевые следы на оружии преступления. Было неудобно. Наносить удары, держа нож таким образом, конечно, можно, но они не были бы столь глубокими для этого нужна была совершенно другая хатка и сила.

Бурые пятна на футболке, которую изъяли вместе с ножом, также оказались кровью Карташовой. Вот только располагались они на спине и были прерывистыми, как если бы кровь попала туда, когда вещь была скомкана. «Собственно, она и была скомкана и лежала на самом дне кучи на кресле. Из-под неё и извлекли нож», — помнил Муранов, мрачняя ещё больше. Между бровями его пролегла морщинка, а губы сжались в тонкую полоску.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.